

Левый берег Водная станция

Левый берег Дона большинство ростовского народа называет просто левбердоном, но Вовке всегда казалось в этом грубом и длинном слове что-то ругательное. Он сам никогда не произносил это слово, и его слегка коробило, если кто-то на нём заикливался.

Левый берег летом – это сплошной праздник. Правда, в ковше, сразу напротив водной станции «Динамо», есть какое-то лесоперевалочное предприятие или просто лесопилка, о чём свидетельствует издалека видный порталный кран и визг циркульных пил, но это и всё, что напоминает здесь о том, что кроме праздников бывают ещё и серые будни. Здесь же и небольшое судоремонтное предприятие

Но никаких заводских гудков, труб с разноцветными дымами, никаких толп народа, спешащих к проходным многочисленных больших и маленьких предприятий, как это есть на большом протяжении правого берега.

Здесь бедная набережная и сверху и снизу по течению зажата заборами, за которыми трудятся, не покладая (а кое-где, может, и не «прикладая») рук сотни и тысячи ростовчан. Однако выше Ворошиловского проспекта уже начато вытеснение всевозможных хозяйств подальше от берега – набережная требует простора...

Но давайте вернемся на левый берег. Самое главное его украшение – роскошный пляж. Потом Вовке пришлось побывать на песчаных и галечных пляжах и в Ялте, и в Сочи, и во многих других приморских городах. Но он всегда вспоминал именно этот пляж, с его ласково прогретым, мелким и нежным речным песком. Вода возле берега не обрывается сразу вглубь, как это часто бывает на морских пляжах, а тянется теплым и чистым мелководьем на многие десятки метров, позволяя даже самой мелкой малышне заходить подальше от берега без сопровождения старших.

Курсанты любили ростовский пляж и в летние, погожие дни часто проводили там время увольнений. Но у них был и собственный пляж.

В том самом ковше с лесопилкой, в его самом укромном месте расположилась водная станция их мореходки, в штате которой насчитывалось около десятка шестивесельных ялов, имевших и парусное снаряжение.

А рядом высились большие островерхие кручи того же донского песка, который здесь заготавливали, наверное, для всяких промышленных нужд. Этот песок и облюбовали курсанты для своего личного пользования.

Красота!.. Вовка вместе с другими ребятами лихо разбегался с самого верха высоченной кручи и с размаха шлёпался в воду!.. Хорошо, если не брюхом, а то потом весь живот красный, как у несчастного варёного рака.... Здесь же и загорали в коротких и длинных перерывах между шлюпочными заплывами.

Чуть ли не каждое воскресенье командиры придумывали какие-нибудь водные соревнования. И первым среди Вовкиной группы по всем видам плавания был Вовка Городинский. Он же забирался на самую верхотуру десятиметровой вышки и летел с неё через сальто-мортале, точно заходя в воду головой или ногами.

У Городинского было много последователей, и он всем, как мог, пытался передать своё умение.

-Воздуху, воздуху побольше набирай! – кричал он очередному смельчаку, решившемуся сигануть с середины вышки. – ноги ставь вместе, а то они у тебя раскорячены, как циркуль!..

Вовка тоже прыгал с середины вышки, уже в полете сжимался в комок, поджав коленки к подбородку, но так и плюхался камнем в воду то спиной, то задницей, то ещё как-нибудь, не решаясь раскрыться в воздухе. Солдатиком, как и у многих других, у него получалось лучше.

Но главным, из-за чего все курсанты стремились на левый берег на свою водную станцию – это, конечно же, шлюпки, на которых первокурсники осваивали весельный ход, а народ постарше вовсю рассекал по акватории ковша под тяжёлыми парусами из флотского брезента.

Начальник водной станции Сан Саныч - тоже в прошлом из водоплавающих чинов. Он с ранней весны, ещё до освобождения ковша ото льда, распахивает свои ангары, с помощью курсантов наводит полный порядок внутри и

вокруг них, проверяет уже не раз проверенное вёсельное и парусное снаряжение на подопечных ялах и вместе с курсантами с нетерпением ждёт, когда очистится акватория.

У Сан Саныча яркая наколка из большого якоря на левой стороне груди. Он чуть выше среднего роста, крепко поджарый в свои за пятьдесят и загорелый дотемна, как и все работники южных пляжей и водных станций. Но главное его украшение – густая копна абсолютно седых волос, которые вместе с тоже густыми и лохматыми, но чернющими бровями создали удивительное сочетание чего-то неправдоподобного.

-Всё натуральное, - отвечал он на вопрос какого-нибудь доуки из курсантов. –У нас в породе все такие – волосы с детства белые, а брови, усы и борода чёрные...тоже с детства...

Водная поверхность ковша ещё полна ледово-снежной шуги, а ялы уже спущены на воду и вот уже они начинают расчерчивать по стоячей шуге водные дорожки. Но шуга держится считанные дни, и наступает уже настоящий водный сезон, который, как правило, открывают старшекурсники.

Вовка любил парус. Оно и неудивительно. Ведь парус и весло - две большущие разницы. Многие первокурсники поняли, что такое мозоли, только работая на вёслах.

-И... раз!.. И... два! – разнесётся команды по ковшу с ещё холодной, почти зимней водой.

Загребные, а это, как правило, самые крепкие и сильные ребята, сидят на банках лицом к лицу со старшиной шлюпки, им задаёт тон старшина, и на них равняются остальные гребцы, которых всего шестеро – по числу вёсел...

На первых порах Вовке казалось, что этими громадными вёслами не только нельзя грести, их и поднять-то просто невозможно. Но на воде вёсла становились легче, и сами мягко подкатывали под руки гребца – ими оставалось только двигать туда-сюда и чуть-чуть покручивать вдоль оси.

Раз двинул-крутнул, два двинул-крутнул... а через полчаса кровавые мозоли и спина не чувствует собственных ног. Правда, Вовка как-то обходился без тяжёлых последствий с мозолями. Сказывался большой опыт общения с лопатой, приобретённый во время рытья траншей и землянок в укрепрайоне на улице Овражной, да и сама кожа на Вовкиных ладонях была антимозольной, не в пример тому же Городинскому, у которого, бывало, кожа с ладоней сползала лоскутами...

Паруса

Как, порой, завидовали гребцы курсантам, идущим под парусом.

-Скорее бы на второй курс перейти, - охали «галерные рабы», оглядываясь на стремительно пронесшийся рядом с виду несколько громоздкий ял, но понимали, что нужно пройти через всё, чтобы потом, в близком или далёком будущем, не ударить в грязь лицом, когда обязательно придётся взяться за вёсла.

Чего-чего, а время не остановишь, если даже сильно захочешь. Вот и Вовкина рота в полном составе перешла на второй курс, сплошь состоящим из специальных предметов, и, в том числе, парусной практики.

Кто-то сказал, что теория без практики мертва. Но так же и практика должна опираться на теорию, и первые несколько занятий курсанты сидели в учебном классе и бубнили про гроты, кливера, шкоты и бизани... Это, к счастью, совпало с ледоходом на Дону, и как раз кончилось к моменту полного освобождения водной глади ото льда и шуги.

Конечно, парусная практика на шестивесельном яле или практика на всемирно известном паруснике «Товарищ» – это тоже две большие разницы, но во всём есть свои преимущества и недостатки. А главное преимущество шестивесельного яла под парусом над остальными большими и маленькими парусниками, не считая тех, что ещё меньше яла – это близость к воде и ветру...

Прямо перед твоими глазами фок-мачта и её прямоугольный парус. Парус ловит каждое дуновение ветерка, он немного прогнулся, натянув свои шкоты, так и кажется, что ими он – парус старается пригнать к себе как можно больше ветра...

-Звучит команда: поворот оверштаг!..

И команда яла перекидывает кливер-парус с борта на борт, и ял начинает выписывать дугу по акватории ковша, а потом и с выходом в русло Дона.

Но приближаться к бакенам, днём и ночью обозначающим судоходное русло, строго и категорически запрещено правилами судоходства.

А курсантам вполне хватает левого берега с его отмелями, чтобы разгуляться на парусном яле со всеми доступными ему поворотами и даже против ветра и течения...

-Поворот фордевинд!.. Поворот бейдевинд! – снова и снова разносятся команды старшины шлюпки над акваторией, и послушный ветру парус крутит шлюпку по крутому радиусу, едва не зачёрпывая бортом донскую волну.

Каждую субботу после полудня, а частенько и в воскресенье, курсанты гоняют под парусом по ковшу левого берега и с каждым днём набираются всё больше и больше опыта и сноровки. Все члены команды до автоматизма отработали свои действия на всех постах парусного расписания.

А через два месяца все держали строгий экзамен, и все получили корочки старшины шлюпки с правом хода на вёслах и под парусом. Это что-то вроде водительского удостоверения, только на воде.

В очередную субботу Сашка Дьяков, Витька Колчанов, Сашка Назыров и Вовка Панин фланировали на яле на траверзе набережной, где в этот послеобеденный час народу ещё было жидковато.

Лето на Дону!.. Здесь нет изнуряющей жары, как где-нибудь в соседних прикаспийских степях. Солнца и тепла ровно столько, сколько надо для полного равновесия души и тела... Мягкий, чуть прохладный из-за постоянного соприкосновения с донской водой, ветерок ласково обдувает полуголоое тело, шевелит волосы, а чуть выше наполняет фок и кливер-паруса.

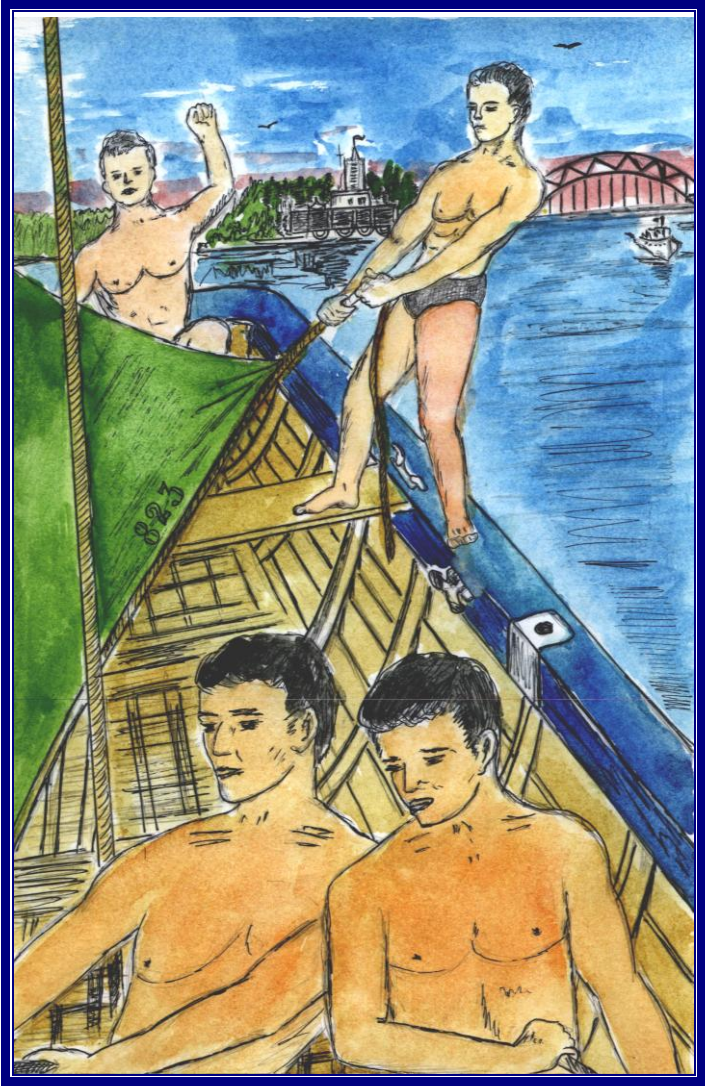
Прошли под мостом, переброшенным через Дон с Будёновского проспекта.

-Этот мост немецкие военнопленные строили, больше двадцати лет уже стоит, несмотря на то, что деревянный, - просвещает друзей ростовчанин Сашка Назыров. – Но вы сами видите, что с Ворошиловского начали строить бетонный мост. Он какой-то экспериментальный – на клею будет монтироваться...

Ребята и так уже знали, что единственный мост через Дон в городе Ростове, если не считать железнодорожного, строили немцы. По нему курсанты пешим порядком ходили на пляж и на водную станцию.

То тут, то там в дощатом настиле зияли дыры от прогнивших досок, но их вскоре свежими досками заделывала специальная бригада. Автомобильное движение по мосту жёстко контролировалось круглосуточными постами милиции с обеих сторон.

-Если так дело пойдёт и дальше, то в один момент какая-нибудь машина ухнет с такой высоты... и прямо на

нас...- задрали головы ребята, выискивая свежие дыры, но пока всё было в относительном порядке.

Выше Ворошиловского проспекта пляж, и мореходы решили немного поваляться на тёплом песочке. Народу в субботний день всегда много, но курсанты нашли удобное место для причала. В Ростове парусом мало кого удивит - здесь водный спорт всегда в почёте. Но разве сравнить какую-нибудь парусную байдарку, больше похожую на легкомысленную, беззаботную и ветреную бабочку, с тяжеловесным и основательным ялом, парусное вооружение которого внушает интерес и уважение не только подбежавшей пацанве, но и более взрослому мужскому народу.

Вниз по Дону

-Пацаны, а что если нам в устье Дона попробовать спуститься, - размечтался лёжа на песке и глядя в ярко-голубое небо Сашка Назыров. - Я разок там был с дружкой на моторке... правда, лодкой командовал отец дружка, а мы только пассажирами были... эх, знали бы вы, какие там протоки, а камыша сколько - запросто заблудиться можно...

-Кто тебе ял даст - это же целый день надо туда-сюда, особенно назад против течения, да если ещё ветер будет сверху, - заспорил Витька Колчанов. - И вообще, я не хочу где-нибудь заблудиться...

-Давай Сан Саныча попросим! - не в пример некоторым загорелся Дьяков. - Может он сам с нами захочет сходить.

Вовка всегда был только за такие предложения, но и он сильно засомневался, что в их распоряжение могут дать целый ял, хотя все они после сдачи экзамена по парусному малому судовождению считали себя уже состоявшимися морскими волками, вот только их «бригантина» пока не дотягивала мощностью и скоростью.

-Конечно, без Сан Саныча никак не обойдётся - от него самого зависит - дать или не дать нам шлюпку, но и он вряд ли захочет взять на себя ответственность отпустить нас одних...

-Так что прямо сейчас возвращаемся и без всяких намёков прямо заявляем, что берём Сан Саныча с собой! - лягнул ногой фок-мачту Сашка Назыров. - Пусть с начальством договаривается...

Сашка имел кое-какие основания распинаться таким образом, хотя это выглядело не совсем по-джентельменски: он уже не раз привозил из своих домашних увольнений большую посудину крепкого самодельного вина, похожего больше на коньяк или, на худой конец, грузинскую чачу, которую Саныч вполне уверенно опустошал, пока курсанты бороздили под парусами по всем ближайшим водным акваториям.

Никогда не пьянеющий смотритель водной станции Сан Саныч встретил друзей и ловко принял швартов.

-Что-то вы сегодня раньше обычного срока уложились... или надоело?..

-Что вы, что вы?!.. Под парусом сутками можно без передыха ходить! – издали начал подход Сашка Назыров. – А вам, Саныч, по Дону приходилось куда-нибудь дальше Ростова подниматься или спускаться?..

-Что за вопрос?.. Да я на своей барже не только весь судоходный Дон и Азов вдоль и поперёк прошёл, но и по Волге, а потом через озёра до самого Белого моря... а там и до Архангельска добирался...

-Вот бы и нам так попробовать!..

-А кто вам помешает?.. Вы своё ещё возьмёте. И не только Белое море...

-Когда это ещё будет? – очень натурально затосковал Сашка Дьяков. – Вот сейчас бы пройтись куда-нибудь подальше...

-И так уж я вас в Дон на свой страх и риск выпускаю, а вам всё мало...

В шлюпке уже давно убран такелаж, ребята присели со своим инструктором и тренером на скамеечку возле больших ворот шлюпочного ангара.

-Сан Саныч, а Саныч, - опять скромно подкатывает Назыров, - вот бы смотаться туда-сюда до Азова и обратно...

-Это прямо сейчас что ли? – выкатил глаза из-под своих роскошных бровей ошарашенный Сан Саныч. – Дело-то к вечеру...

-Да что вы!.. В следующее воскресенье, конечно, и только вместе с вами. И у командира, как положено, отпроситься с вашей помощью...

Дипломатические изыски Сашки Назырова оказались зряшными. Не в том смысле, что Саныч категорически отверг предложение друзей, а совсем наоборот. Саныч с великим воодушевлением принял идею шлюпочного похода вниз по До-

ну и обратно. Он даже обещал самолично утрясти с командирами все возможные вопросы...

...Вот и наступило утро назначенного воскресенья. Серьёзный поход требует полного штатного замещения, и к четверым друзьям присоединились Серёга Житников и Мишка Романов. Витька Колчанов, который поначалу было, воспротивился хорошей идее, теперь и в мыслях не держал, что поход состоится без него.

Ещё с вечера надёжно упакован сухой суточный паёк ровно на одну команду парусного яла, которая тихо миновала вахтенную службу на этажах и КПП. Ведь до режимного подъёма было еще целых два часа!.. Сан Саныч ждал в условленном месте на набережной.

Сашка Назыров с заговорщицким видом похлопал по своей спортивной сумке, но Саныч остался невозмутим и весь путь до водной станции на эту тему помалкивал.

-Сегодня мы пока воздержимся, - уже выдавая снаряжение, сказал он. – Серьёзное мероприятие требует ясности ума и трезвого расчёта!..

У какого смотрителя водной станции обойдётся без рыболовных снастей!.. Сан Саныч заготовил снасти на всю команду парусного яла. Одних только удилиц из бамбука уложили вдоль борта целую дюжину.

На открытую воду ковша, как обычно, вышли на вёслах и только тут установили рангоут. На кормовую банку сел, как и было запланировано, Сан Саныч. Это и есть место старшины, который по совместительству является и рулевым. Вовка и Сашка Назыров взялись за кливер – шкоты, на грот встали Серёга и Витька Колчанов, а Сашка Дьяков с Мишкой остались пока за пассажиров.

-Через каждые полчаса будем меняться, - твёрдо заявил Сан Саныч, - никакой узкой специализации... пойдём пока вдоль левого берега, а там будем действовать по обстановке.... Вот только с ветром у нас сегодня нелады. Снизу дует - так что до поры паруса придётся завернуть вокруг мачты... идти сплавом.

Водная артерия, даже такая, как Дон, ещё не забита вереницами сплошного транспорта, как, скажем, автомобильная трасса республиканского значения, по которой машины тихо едут туда-сюда почти без интервалов, а то и вовсе тянутся сплошной «верёвкой» длиной многие километры.

Крупные суда, типа пассажирских лайнеров или сухогрузов с танкерами, вообще редки. Иногда только сверху или

снизу прокатится прогулочный трамвайчик, да ещё катера каких-нибудь береговых служб. Ну и вездесущие моторки...

Шли, как и дал установку Сан Саныч, вдоль левого берега, но старались держаться ближе к фарватеру, где течение было гораздо заметнее. Справа тянулся казавшийся бесконечным Ростов, слева за прибрежной порослью простирались заливные луга, вдоль и поперёк изрезанные каналами.

Вёсла, как и паруса, тоже расположились по своим местам вдоль бортов, и курсанты полностью отдались воле течения. Только Саныч иногда подрабатывал рулём, не давая шлюпке сойти с намеченного курса.

-Что-то мы заскучали, - первым пришёл в себя из безмятежности Серёга. – Может, вёслами помашем, а заодно и разомнёмся?..

-Давайте, давайте, - сразу согласился старшина Сан Саныч, который то и дело «слушал ветер», задирая палец. – А то так до вечера будем только в одну сторону плестись...

Сторожевик

Скорость хода по реке нагляднее всего чувствуется по скорости удаления или приближения береговых предметов и все сразу увидели, что ход прибавился никак не меньше, чем в два раза.

-Эх, жаль, что пока на ялах лага не придумали, - сокрушался Серёга. – Как вот сейчас скорость прикинуть?..

-Для того, чтобы на глазок определять скорость, надо не один год помотаться по всяким рекам, а каждая из них свою скорость течения имеет и притом в разных местах по-разному, - совмещал приятное с полезным инструктор Сан Саныч. – Я вот сейчас думаю, что в этом месте наш ял даёт не меньше пятнадцати километров, а в морском исчислении это как раз восемь узлов...

Никто не стал спорить со старшиной, который всё учащал свои команды:

-И-и-и.. раз.. И-и-и.. раз..

Когда старшина протяжно кричит на букву «и», то в это время гребцы тянут вёсла над водой, а при слове «раз» вёсла заходят в воду и совершают при помощи мускульной курсантской силы гребок, помноженный на шесть – по три весла с каждого борта.

Загребными шли опять-таки Серёга и Витька Колчанов и вообще – загребные это самая тяжёлая работа на любом

гребном судне и заморышам здесь делать нечего. Именно загребные задают темп гребле, и по ним ориентируется старшина в своих громкоголосых командах...

А уж за вёслами загребных следят и стараются не отстать задние гребцы, в числе которых почти всегда Вовка Панин с Сашкой Назыровым. Конечно, они не раз и не два пробовали свои силы и в роли загребных, но природаматушка не всем даёт одинаковые возможности, и с этим все благоразумно мирились.

-Хлопцы – мореходцы!.. А, кажись, ветерок-то в нашу сторону переменялся! – не пропустил главного момента старшина Сан Саныч. – А ну-ка давай сушить вёсла.

Команда «Сушить вёсла!» означает конец гребного хода и курсанты вынимают весла из уключин, укладывают их по местам.... Да и то пора!.. Несмотря на попутное течение, порядком взмокли голые спины, загудели ноги и руки... вовремя ветерок подоспел на помощь!..

Развернуть паруса опытным мореходам стоило всего нескольких секунд. Ветер пойман – кливер-шкоты и фокашкоты надёжно закреплены. Курсанты блаженствуют, отдавшись воле ветра. Шипит за бортом донская водица. Вовка опускает в неё ладони и ощущает тугую силу речной волны, которую оставляет за собой мощный форштвень надёжного, как весь российский флот, яла.

-Скоро одна интересная штука покажется, - внимательно смотрит прямо по курсу старшина Сан Саныч. – Сторожевик наш здесь во время войны на mine подорвался. Как он со всего маху врезался в берег, да так и остался там стоять с тех пор...

-Давайте к нему пристанем! – сразу подскочил на своей банке Вовка. – Надо же его обязательно посмотреть...

Остальные парни тоже уставились вперёд, ожидая, что вот-вот на берегу покажется искорёженный войной красавец корабль.

-Пристанем, конечно.... А вот и он...

Корабельная мачта показалась поверх деревьев задолго до того, как открылся сам корабль.

...Красивы всё-таки морские, да и речные суда, какого бы они не были класса, назначения и устройства. Вовка даже попытался перебрать в памяти все известные ему на этот час типы судов и кораблей и нашёл, что ни к одному из них нельзя придаться и за что-то его охаять. Просто суда бывают красивые и очень красивые.

Сторожевик был очень красивым, и даже смертельно раненый много лет назад, смотрелся величественно и грозно. Он круто накренился на правый борт, словно в лихом повороте, но кто-то вдруг остановил бег времени и корабль замер... Замер, чтобы через секунду снова вспенить высокий бурун, стремительно выйти на огневой рубеж и ударить по врагу из всех орудий...

-А пушки-то с него всё же сняли, может ещё во время войны...

-Конечно... пушки ведь везде можно установить, подавай только снаряды...

Да, пушек на красавце корабле давно нет, но и без них он, казалось, не утратил своей боевой мощи - столько было заложено в нём жизнестойкости и силы человеческим разумом.

На борту лазили несколько пацанят. Они сразу устали на подошедший парусник. Очень скоро известным им путём ребячьи сверзились с корабля и столпилась вокруг шлюпки.

-А ну, пацанва, показывайте, как вы наверх забираетесь, а мы вас за это под парусом немного прокатим!..

...Вовка ходил по палубе, на которой только в самых недосягаемых местах сохранились остатки стародавней краски, но местами палуба наоборот блестела металлическим блеском, отшлифованная сотнями босых детских пяток. Видно, детвора издавна сделала невольный памятник войны своим пристанищем для детских игр, и уже не одно поколение малышей и ребят постарше сменилось на палубе и в рубках морского сторожевика.

А Вовка упорно и настойчиво искал следы давно миновавшей войны.

«Интересно, что это за вмятина?.. Может, сюда ударил вражеский снаряд, который взорвался, не пробив броню... может, здесь рядом погиб от осколков какой-нибудь комендор или офицер.... А вот просматривается давнишний сварочный шов. Что это?.. Тоже след снаряда, только на этот раз уже разорвавшего броню?..»

Вовка с Сашкой Назыровым поднялись в рубку, где со всех сторон зияли дыры вместо когда-то стоявших здесь приборов и устройств, но воображения хватало, и Вовка чуть не вживую ощутил себя матросом сторожевого корабля.

-Снять бы его отсюда, да притащить куда-нибудь по соседству с нашей водной станцией, - придумал Сашка. —

Можно было бы хороший макет учебного корабля сделать общими силами...

-Почему-то до сих пор не сняли - засел, наверное, крепко.... А скорее всего, его на металлолом разрежут, найдётся и на него хозяин...

Не меньше часа бродили курсанты по самым укромным закоулкам чудо – корабля. Отсек за отсеком мог бы многое рассказать знающему военному, но ребята даже примерно не могли теперь определить назначение многочисленных помещений.

-Да.... Снаружи и чуть издалека он ещё похож на корабль, а внутри это только скелет, - сделал скорбный вывод Сашка Дьяков. – И ведь надо было кому-то выломать всё до последней железки, неужто на хозяйство пригодились?..

-На хозяйство вряд ли. Его раскурочили на запчасти скорее всего сразу, как только стало ясно, что его не снять с берега, а остальное уже мальчишки...

-Большие мальчишки рассказывали, что давным-давно сюда военный катер приплывал, и оттуда корабль фотографировали на киноплёнку, - поделились ребята кое-чем из истории местной достопримечательности.

Сан Саныч спустился первым. За ним в бот набилось целый десяток прибрежных пацанов, но ял вполне мог принять ещё столько же. Курсанты заняли свои места, а возле каждого поочерёдно и с великим удовольствием мальчишки подержались за шкоты. Потом они прямо с борта сиганули в Дон и стайкой разноцветных колобков, обгоняя друг друга, поплыли к берегу.

Донская уха

Курсантский парусник давно уже шёл по дельте Дона в одном из его многочисленных рукавов.

-Ну что... не пора ли стать на якорь или лечь в дрейф? – предлагает старшина. – Можно и перекусить и здесь же попробовать закинуть удочки.

-Сашка, а где ты рыбачил со своим другом?..

-Да ты что!.. Разве тут запомнишь, в каком из этих ериков мы тогда плавали и рыбу ловили. Захочешь искать – не найдёшь.

После крепкой заправки рыбачили прямо с борта шлюпки. Кругом стеной стоял камыш, течения в протоке почти не наблюдалось, и сторожить недвижимый поплавок в

ожидании поклёвки было сплошное удовольствие, не то, что на быстром течении Шешмы. Сашка у себя же в огороде накопал обычных дождевых червей и на них вполне нормально пошли сорожки, небольшие окуньки, плотва и вездесущие пескари.

Сан Саныч окружил себя сразу тремя удилищами, каждое из которых он определил под строго определённую породу рыб.

-Эта у меня на сазана и карпа, эта на судака и щуку, а эта для баловства вместе с вами...

Низовье Дона, а за ним и всё Азовское море когда-то считалось самым богатым местом в мире по количеству улова рыбы с единицы площади, но это, наверное, было давно и...

-Неправда! – добавил Сашка вслед тихим Вовкиным разглагольствованиям.

Клевало и на самом деле не лучше и не хуже, чем на Шешме или Карабаше, но раз за разом два ведёрка на корме и на баке всё больше и больше наполнялись.

Сан Саныч всё-таки выловил на блесну здорового судака, которого он долго вываживал, то отпуская, то натягивая леску. Все оторвались от своих поплавков и следили за неравной борьбой, в которой, конечно же, победил человек.

-Хватит! – решил Сан Саныч. - А то другим не останется.... Давай подгрести к берегу – уху варить будем. А потом попробуем выйти в залив...

Варить уху Сан Саныч никому не доверил. Курсантам досталось начистить только картошки, да повозиться с дровами. Он в одиночку колдовал возле ведра на тагане, строго по очереди добавлял рыбу в зависимости от породы. То и дело подсыпал туда что-то из своей небольшой сумочки типа кисета с множеством отделений.

-Всё... разбирайте ложки, плошки, поварёшки – сейчас буду раздавать.

А у Сашки Назырова в строю стоят одинаковые кружки от камбуза и он готов наливать в них из своего полубочонка тот самый именной виноградный сок. Для Сан Саныча припасена особая плетёная бутылка на целый литр.

-Вот так бы каждое воскресенье, - размечтался Сашка Дьяков, не спеша смакуя горячее волшебство. – Что толку от этой строевой, на которой нас гоняют до обеда...

-И так уж спасибо командиру. Другие сейчас строем меряют вдоль парапета Темернички, а ты расселся в голом виде на горячем песочке и ухой своё брюхо ненасытное наби-

ваешь, да ещё с виноградным соком в придачу, - укорял за что-то Сашку Витька Колчанов. – А строевая как раз для того, чтобы такие, как ты знали своё последнее место на левом фланге.

-Да ладно, ты у нас больно великан - тараканище...

Сашка был прав. И сам он, и Витька, а также Вовка с Сашкой Назыровым всегда занимали место в строю в последней трети шеренги. Другого места им не позволял строевой ранжир.

-Да не напоминайте вы о строевой в такой момент! – лязгал Мишка Романов по дну алюминиевой тарелки. – Давайте лучше ещё по хорошей полбанки засадим. Назыров, чего спишь!..

-Полчаса на усвоение ухи и прочей закуски, а потом выходим в залив, крутнёмся там и по домам, - распорядился Сан Саныч. – Не забывайте, что назад против течения, а ветерок пока так и дует сверху...

-К вечеру снизу подует, - авторитетно заявил ростовчанин Сашка. – Наше дело только подождать.

-По заказу редко бывает, так что имейте в виду – я за вёсла не сяду...

Морская кавалерия

Но обеденный перерыв всё-таки затянулся. Ребята долёживали на песочке последнюю пятиминутку, как вдруг совсем рядом затопали сотни чудо скакунов.

-Донцы! – подскочил лихой казак Мишка Романов. – Донцы на водопой пришли!..

Кони заходили в воду. Вовка смотрел во все глаза. Сразу столько лошадей в одном месте и в одно и то же время он ещё никогда не видел. Лошади в воду заходили по разному – одни с ходу забегали и останавливались только тогда, когда вода доходила им под самую грудь. Другие резко останавливались, едва зайдя по колено, а третьи и вовсе пили с берега.

«Вот, вам и пожалуйста – каждая лошадь имеет свой характер, как и человек, - водил Вовка глазами от лошади к лошади. - Одна лошадь трусовата, другая посмелее, а третьей и вовсе сам чёрт не брат.. Козёл этот Павлов со своим учением о рефлексах – сколько собак только зря загубил...»

К курсантской стоянке подошёл, ведя на поводу осёдланного коня, пастух примерно одного возраста с Сан Санычем, долго и обстоятельно разглядывал парусник.

-Это что у вас за корабль?..

-Морской бык – гроза морей. Только горный бык яком называется, а у нас ял.

-А мотор у вашего быка есть?..

-Это нам за ненадобностью. У нас парус и целых шесть вёсел с гребцами, - вёл разговор с пастухом Сан Саныч.

А Мишка Романов, словно в подтверждение тому, что он и сам казак, зашел в самую середину огромного табуна и похлопывал по крупу то одну лошадину, то другую.

-Можно мне прокатиться немного? – появился он возле пастуха.

-А откуда такой скорый?

-Из Каневской...

-Так казачина мабуть? Без седла?..

-А то ж...

Пастух достал из своей торбы уздечку, Мишка в момент взнуздal ukazанного ему скакуна, и поскакал на зависть своим корешкам мореходам вдоль берега и в степь.

Тем временем Сан Саныч достал Сашкину плетёную и налил пастуху в кружку. Вовка решил воспользоваться моментом.

-А можно и мне попробовать?

-А чего же, мне не жалко...

-Только я ещё ни разу не пробовал.

-Так ты не казак?..

-Нет, я с Волги и... и городской...

-Тогда надо обязательно с седлом, но мой Прыгун тебя скинет – горяч больно для первого-встречного.

Пастух снял седло со своего Прыгуна и перебросил его со всей упряжкой на небольшую кобылку.

-Вот эта у меня смирная - Наташка зовут.

-А бегом-то она хоть бегаёт? – почему-то с гонором спросил Вовка, принимая в первый раз в жизни поводья

-Бегаёт... лошади все бегают.

Даже в пяти метрах лошадь не кажется такой большой, как тогда, когда стоишь с ней вплотную. Вовка схватился за поводья, задрал левую ногу чуть не к подбородку, всунул босую ступню в стремя...

«Да как же другую-то ногу закинуть на такую верхотуру?..»

-Сначала в стремени поднимись, а потом ногу перебрасывай – торопыга!..

До Вовки дошло, что он уже третий раз пытается забросить вверх правую ногу прямо с земли, но попадает лошади в заднюю ляжку.

Вовка внял совету и поднялся в стремяни...

-А теперь сразу ногу через седло! Да быстрее, а то трахнешься, да и Наташка уже напугалась такого интересного наездника...

Наконец, Вовка в седле.

«Бог ты мой!.. А вышотища-то какая!..»

Вовка никак не ожидал, что с высоты горячего на солнце седла даже не верблюда, а обыкновенной лошади, хоть и донской породы, так далеко внизу будут смотреться и Сан Саныч, и пастух, которого звали Семён (наверное, в честь Буденного), и остальные ребята, во всю изгалявшиеся в остролюбье над новым седоком.

-Наш мичман Панин переквалифицировался в хорунжего...

-Тебе бы папаху, да саблю с маузером сверху плавок – вылитый Ваня Кочубей.

-Скорее уж Дон Кихот, который пропил свои доспехи, а заодно и своего Санчу Пансу, - явно намекал Колчанов на Вовкину худобу...

-Ну и как теперь её...с места стронуть? – подлил масла в огонь вспотевший Вовка.

-Замок зажигания не знает где!.. Или ключи потерял?! – вдрызг хохотали внизу.

-Пятками её под бока, - инструктировал Семён, а вам хватит шутки шутить! – на ходу превращался в настоящего инструктора пастух. – Посмотрим, как у вас получится...

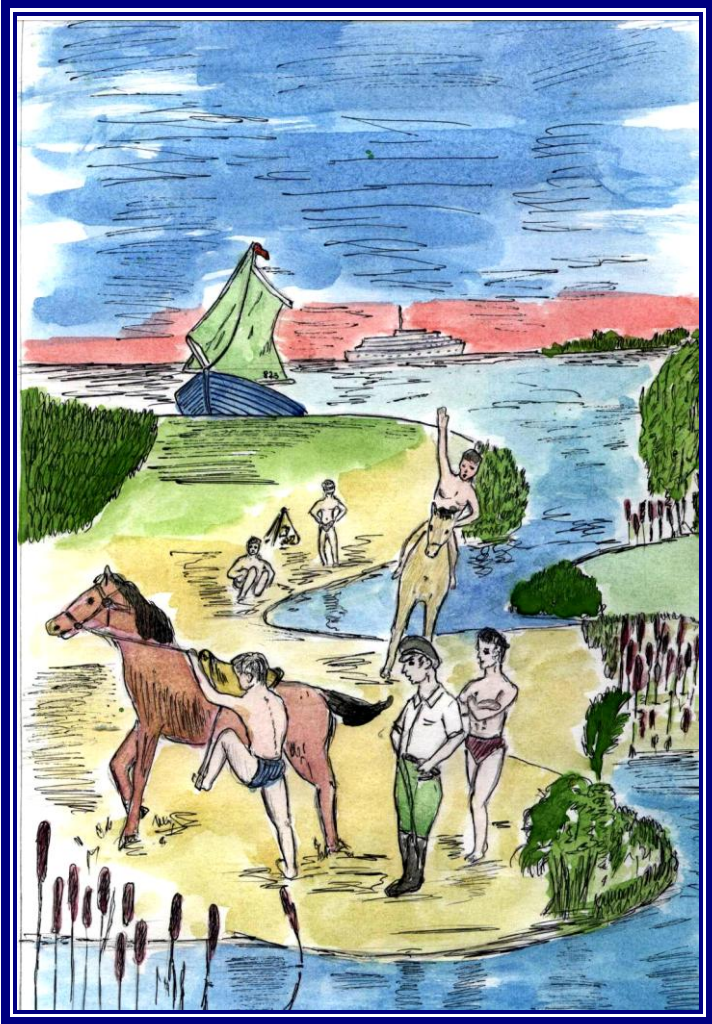
Подлетел и резко остановил могучего скакуна Мишка Романов.

-Пошли на пару! Делай как я!..

И Вовка стукнул Наташку по мягким бокам. Мишка ускорял ход, а за ним не отставала и Наташка в придачу с Вовкой наверху.

-Подпрыгивай в такт, а то задницу разобьёшь! – кричал лихой наездник Мишка.

И Вовка вроде бы подпрыгивал, но факт, что задницу он нисколько не разбил и очень быстро приноровился вслед за Мишкой. Он мёртвой хваткой вцепился в поводья, наклонил корпус, чуть привстав на стремянах, и отдался власти скорости.

Вот когда пришло ощущение того, что он когда-то и где-то уже скакал так. Скакал вместе со своим друзьями в гуще огромного войска и отдельно от него.... И сейчас ветер так же бил в лицо свежей донской струёй, внизу под копытами стелилась степная трава. Наташка с высоко поднятой головой не отставала от своего собрата по табуну. Вовка догадался ослабить поводья, и его лошадь чуть сбавила ход.

Но ребята уже видели, что со стоянки им машут руками – надо возвращаться.

-Ну, как, ротмистр Панин? – сразу повысили Вовку в звании друзья. – Теперь и нам можно?..

-Так что после меня Наташка совсем смиренная и послушная стала - теперь на ней может кататься даже слюнвячик из люльки, - почти молодецки соскочил на слегка подогнувшиеся ноги Вовка. – Вам теперь и вовсе бояться нечего...

Серёга Житников тоже оказался не новичок по конской выезде в своих нижеволжских степях, и он принял поводья от Мишки, а вместо Вовки взгромоздился Сашка Назыров. Он учёл Вовкину ошибку и сразу привстал в стремени, но зато при посадке в седло уронил одно из поводьев. Остроглазый Дьяков и тут не упустил:

-Руль!.. Руль крепче держи...

А потом настала очередь и Дьякова с Колчановым, но они сумели и в седло сесть, и поводья не потерять – вот что значит научиться на чужих ошибках!.. Вовка, приготовившийся было спеть «крепче за баранку держись, шофёр», только крикнул из-за несостоявшейся мести.

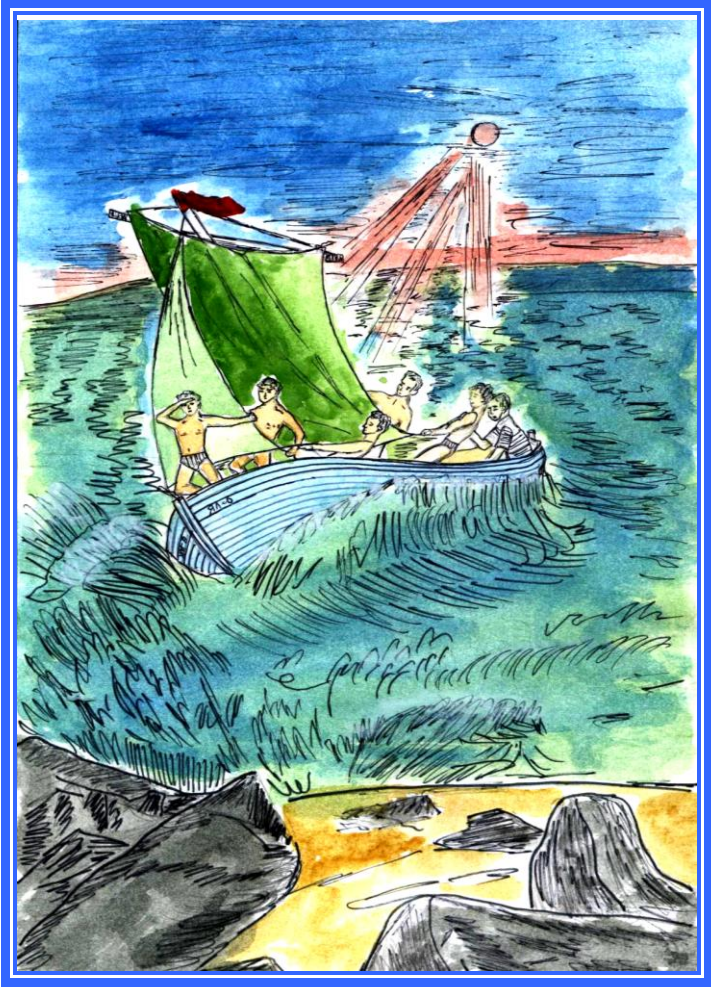
Но всех, в том числе и Семёна, удивил старшина парусной шлюпки Сан Саныч. Чего он только не вытворял с Прыгуном!.. Он вставал у него на дыбы, молотя копытами по воздуху, летел то рысью, то в галоп, потом вставал, как вкопанный и снова становился на дыбы...

-Где это вы так?..

-Так я же тоже из казаков. И воевать в кавалерии сподобился... у самого геройского генерала Доватора.

Ребята уже новыми глазами смотрели на своего шлюпочного наставника. Вот ведь скромняга... и награды, наверное, есть...

Но надо было двигать дальше, ведь впереди Таганрогский залив. Сан Саныч и Семён ещё раз дружно приняли за доброе знакомство, и парусный ял отчалил от ставшей для всех памятной стоянки.

Таганрогский залив

В Таганрогском заливе Азовского моря ветер заворачивал не на шутку. Здесь не было прибрежного тальника и камышовых зарослей, цепляясь за которые самый скорый ветер быстро теряет свои силу и напор. Из теории шлюпочного дела курсанты знали, что силу штормовой волны в баллах можно приблизительно определить по барашкам. И здешние барашки указывали, что волнение в заливе не меньше пяти баллов, что для парусной шлюпки, даже если это надёжный ял, вполне серьёзное испытание.

-Держись, ребята, строго по своим местам, и шкоты тяните крепче!.. Не давайте слабину без моей команды! – кричал Саныч, в котором откуда-то нарастало возбуждение, оно тут же передавалось ребятам, крепко державшим паруса, и давно чувствовавшим себя в прямом и переносном смысле на гребне волны.

-Поворот оверштаг! – кричит старшина, и ребята чётко выполняют команды по перестановке парусов. Ял послушно делает крутой вираж, разрезая в обе стороны чем-то недovolную волну. Она бьёт по бортам и даже днищу, норовит накренить ял и забросить в него всё больше воды. Но это ей удаётся плохо, а то небольшое количество, что всё-таки попадает на дно шлюпки, тут же вычёрпывают запасные из команды, которыми по очереди становятся все члены экипажа, кроме старшины.

-Поворот фордевинд!.. Поворот бейдевинд!.. – снова и снова командует старшина.

Волна становится всё веселее. Брызги всё сильнее бьют в лицо, а ветер всё туже набивает паруса. Кливер струной натянулся между фоком и бушпритом, тяжелый фок-парус едва удерживают Серёга Житников с Витькой Колчановым, перекинув шкоты через найтовы.

-Ну как!.. Хватит на сегодня?!

-Ещё немного, ещё чуть-чуть! – поёт Мишка Романов. Остальные тоже только разохотились – ведь на Дону такой волны никогда не бывает...

-Пора, братцы, пора...- уговаривает Сан Саныч. - Иначе до вечера не доберёмся.

Природа с самого утра благоволила мореходам, и обещанная Сашкой Назыровым низовка в этот день тоже вошла в согласие с могучим курсантским парусником...

Наставники Командир роты

На первый взгляд командир роты Вовке не понравился. Кроме морской формы с погонями капитан-лейтенанта, ничего более примечательного в нем не было. Роста Николай Семенович был самого среднего, а в телосложении и вовсе заужен. Но его неширокая грудь с двумя рядами орденских планок всегда чуть выпирала вперед, особенно, перед курсантским строем.

Николая Семёновича нельзя назвать ни весельчаком, ни чрезмерно серьёзным. При случае, он может широко улыбнуться и даже громко рассмеяться, запрокинув голову далеко назад, отчего у него как-то раз упала мичманка. Вовка сам это видел и тоже смеялся.

Но настоящий командир только тот, который круглые сутки находится рядом со своими подчиненными, если не буквально, то обязательно в мыслях. Да если ещё в кубриках экипажа рота беспокойных курсантов, от которых, по правде говоря, можно ожидать чего угодно, и даже какого-нибудь веселого подвоха.

Поэтому Николай Семенович улыбаться, а тем более смеяться во весь рот в присутствии курсантов старался как можно реже, и почти всегда сохранял сосредоточенно серьёзный, деловой вид.

Командиры бывают разными: и хорошими и плохими. О плохих сразу говорить не будем, потому как такие на Вовкином пути не попадались вовсе. А хорошие, по разумению курсантов, тоже бывают разными. Командиру никогда нельзя быть с курсантами откровенно запанибрата - сразу сядут на шею, да ещё дядькой на посылках сделают.

Не больше и не меньше!..

Командир должен быть в меру строгим, в меру недоступным, но в такой же мере и доступным для курсантов. Обладать ещё целой массой офицерских и командирских досто-

инств, главной из которых во все времена и у всего курсантского народа является её величество Справедливость.

Насколько справедлив Николай Семенович - вряд ли скажет кто-либо из его подопечных, но и обижаться на якобы несправедливое наказание никому просто не приходит в голову.

И все же, как бы ни складывались отношения между командиром и курсантами, остается главное - они все время находятся по разные стороны так называемого воспитательного процесса, а соединяющим звеном почти по всем вопросам между сторонами выступают старшины – как правило, недавние младшие командиры срочной службы.

Вот у кого надо поучиться дипломатическому мастерству послан и посланникам всех рангов и всем прочим, кому это нужно.

Да... Великое искусство быть требовательным и лояльным с курсантами, с которыми целыми днями сидишь в одной аудитории, ешь и пьешь за одним столом и вообще живешь одной жизнью. И в то же время держать нормальные отношения с командиром и проводить в курсантской среде его генеральную линию...

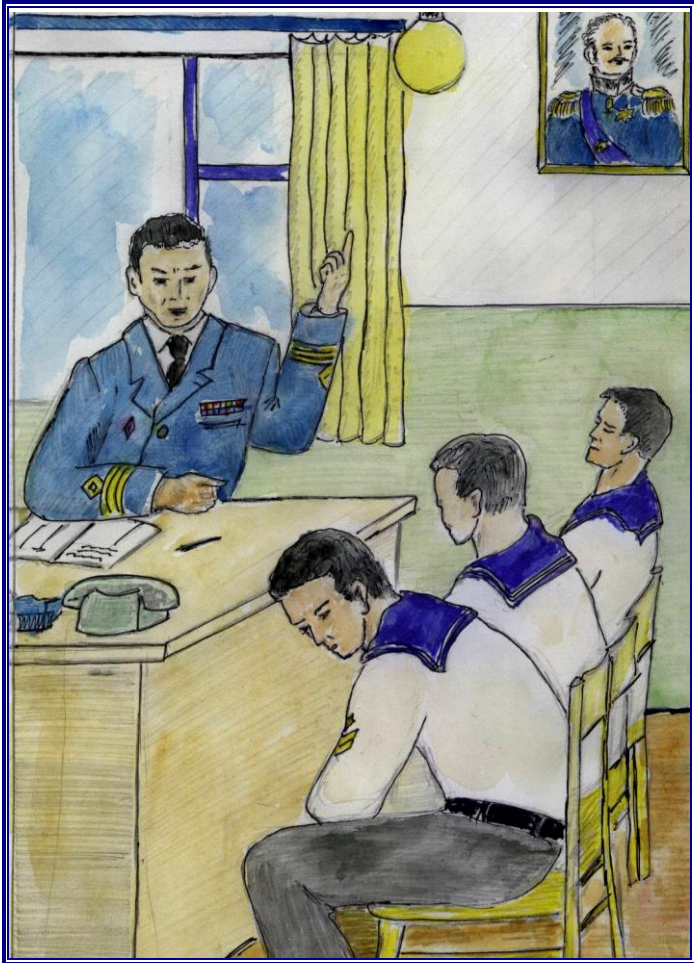
Николай Семенович редко наказывал кого-либо из курсантов лично. С этим вполне на уровне справлялись бравые старшины. Зато командир в конце каждого месяца вызывал в свой небольшой кабинетик в середине длинного коридора отъявленных нарушителей, получивших наибольшее число внеочередных нарядов. Здесь он проводил длинные нравоучительные беседы, которые все курсанты поголовно воспринимали гораздо хуже, чем самые строгие наряды вне очереди.

-Олухи, вы олухи, - говаривал в такие минуты Николай Семенович. – Государство вас на полном обеспечении содержит: кормит, поит, одевает, да еще и спать в чистую постельку укладывает.... А вы по утрам от зарядки в рундуки прячетесь, некоторые в баню через раз ходят, а уж о нарушении формы одежды и говорить не хочется...

Николай Семенович с великой укоризной смотрит на своих молчаливых собеседников, переводя взгляд от одного к другому, потом отворачивается к окну и расстроено молчит. Курсанты виновато вздыхают...

-Так что, смотрите, - наконец, продолжает командир. – Не за горами третий курс, а там и практика, а где каждый из вас будет практиковаться: в Махачкале или в Севастополе –

зависит только от лично каждого из вас. И прошу всех учесть этот серьёзный разговор...

Удрученные курсанты такие серьёзные разговоры помнили недолго, да и сам командир, несмотря на угрозы, долго в голове зла не держал, и все шло своим чередом. Но сам факт посещения кабинета оставался зарубкой и на носу, и в уме, и каждый будущий мореход старался к Николаю Семеновичу больше не попадать.

Учились спокойно мореходы от наряда к наряду, которые нередко были и внеочередными, и не чувствовали, что над многими из них не раз зависал Дамоклов меч - кому за дело, а кому и за череду разных дел, но «меч» благополучно растворялся в теплой ростовской дымке...

А из других рот училища нет-нет, да и вылетали курсант за курсантом и до диплома за четыре с половиной года эти роты добирались числом на десяток - полтора меньше.

Николай Семенович не рубил с плеча. Он избрал тернистый путь настоящего наставника и довел до выпуска свою роту в полном составе, за исключением двоих, да и тех выгнали сами курсанты ещё на первом курсе за воровство – этот грех относился к разряду самых нетерпимых

Больше всего, как казалось Вовке и многим другим курсантам, командиру нравилось наблюдать за строевой подготовкой, которой лихо занимались будущие мореходы под громкие команды бывших армейских старшин.

Морская форма больше располагает к строгим ровным линиям, чем зеленая пехотная роба, особенно, если шла подготовка к праздничным военным парадам, когда курсантам выдавали белые ремни и перчатки, строевая отмашка которыми на фоне черно-белой формы с голубыми гюйсами была наиболее эффектна.

Командир сам в таких случаях был при полном параде, но почти никогда не брал команду на себя, справедливо полагая, что у громогласных старшин получается лучше.

Николай Семенович пришел в мореходное училище чуть раньше первокурсника Вовки Панина и его новых друзей и рота, в которой начал учиться Вовка, стала для него первой в его работе командира-воспитателя.

Наверное, поэтому самыми беспокойными для него стали дни и вечера курсантских увольнений, а это как раз совпадает с общепринятыми выходными. Вместо того, чтобы отдавать должное своим семейным обязанностям, командир

торчал в экипаже, ожидая всех до единого курсантов, пока они нагуляются по паркам и набережной.

Вовка понял это в тот день, когда ему пришлось стоять вахту дневальным по роте именно в часы всеобщего ротного увольнения. Едва перевалила половина отпущенного курсантам срока, как командир начал допытывать у дневального о возвращении уволенного личного состава.

Пик его беспокойства приходился на последние полчаса до вечерней поверки, иначе говоря, как раз тогда, когда и возвращается основная масса курсантского народа. Николай Семенович выходил во двор экипажа, дефилировал по прилегающим улицам, и наверняка сильно радовался, увидев знакомую курсантскую рожу, а ещё лучше, если сразу нескольких, возвращающихся из увольнения.

- Да не переживайте вы, товарищ командир, - пытался успокоить его дежурный по экипажу, которыми обычно были старшекурсники. - Все вернутся - не больно детский сад...

- Слава Богу, что не детский сад, но все они несовершеннолетние, кроме старшин, да и за теми глаз да глаз...

Успокаивался командир только после вечерней поверки, а потом ещё и самоличного обхода всех кубриков.

Вовке Панину тоже пришлось побывать в кабинете командира по дисциплинарному вопросу. Случилось это после того, как Вовка уже на втором курсе почти на неделю опоздал из зимнего двухнедельного отпуска. Опоздание сложилось из трех лишних дней, проведенных дома, и трех незапланированных из-за нелётной вьюжной погоды в Самарском аэропорту.

Эти трое полных суток томительного ожидания в переполненном аэропорту, когда не только прикорнуть, но и встать порой негде, кроме как на бешено пуржившей привокзальной площади, сильно подействовали на Вовкино настроение.

Упадническому состоянию духа ещё сильно влиял тот факт, что безысходность транзитника последовала буквально через несколько часов после расставания с родными, друзьями, а, главное, со Светой, образ которой мерещился ему сквозь вьюгу все эти дни...

Именно тогда Вовка додумался до того, что, в ответ на ожидаемую выволочку за такое длинное опоздание, он непременно подаст заявление об уходе из училища по непреодолимому собственному желанию....

Но все проходит. Прошли и эти трое суток, и Вовка поднялся по трапу на свой этаж.

-Командир тебя на всех вечерних поверках вспоминает и днем по сто раз спрашивает, - встретил его дневальный по роте Толька Абрамов. – Он даже хотел твоим родителям телеграмму дать, а может, до сих пор уже и дал...

-В аэропорту просидел, - неопределенно махнул Вовка по пути в свой кубрик. – Хорошо, хоть так обошлось...

По давно устоявшейся традиции длинным и протяжным ревом Вовку в кубрике никто не встретил, но только потому, что все были на занятиях, как и положено в этот час.

В родных мореходских стенах пришло нормальное настроение, и он решил не терять времени зря, а сразу спуститься в аудиторию, уточнив у дневального, где сейчас заседает его группа.

«Теория и устройство корабля» - сокращенно эту дисциплину называют ТУК - один из самых уважаемых Вовкой предметов. «Пиллерс, бимс, шпангоут, стрингер», доносилось из аудитории, в двери которой не стал стучать опоздавший, а просто тихонько проткнул голову.

По столам зашелестело, а преподаватель - Валентин Васильевич, он же начальник судомеханического отделения, которому, конечно же, было известно о Вовкином опоздании, как ни в чем не бывало:

-Заходи, заходи... а то мы здесь как раз на самом интересном месте...

Вовка тише, чем обычно, прошел на свое место рядом с Сашкой Назыровым, который тут же попытался забросать прибывшего кучей вопросов, но бдительный преподаватель разговоры не по теме пресёк в самом начале.

И всё же ему пришлось-таки ответить на многочисленные вопросы курсантской братвы, которыми его обложили с ног до головы на оставшихся переменах, а потом до и после ужина.

-Не переживай, Вовка! Мы тебя в обиду не дадим.... Если что - всей ротой к начальнику училища пойдем!..

Вовка понимал, что какие бы неприятности ни ожидали его в дальнейшем, первая из них - разговор с командиром. Его угнетало только то, что прошло уже полдня, как он в экипаже, а разговор этот так и не состоялся.

Обычный учебный день у курсантов - это две пары до обеда и две пары после, что, в переводе на язык обычной средней школы, составляет восемь уроков. Потом ещё какую-

нибудь лекцию или семинар придумают, но это не каждый день.

Вечером, почти сразу после ужина, два с половиной часа самоподготовки, которые тоже проводятся обязательно в аудиториях. Так что «на круг» выходит больше десяти-одиннадцати часов занятий ежедневно.

До самоподготовки Вовку так никто и не побеспокоил. С Сашкой Назыровым они сидели за своим столом на первом этаже и продолжали обсуждать тревожную обстановку, когда в аудиторию зашел дневальный:

-Вовка... Панин... тебя командир зовет...

Вовка с деланным спокойствием встал, хлопнул Сашку по плечу:

-Я пошел, а ты тут за двоих готовься...

Он не спеша поднялся на этаж с кубриками, также не спеша прошел по длинному узкому коридору. Вот и «маленькая дверь в стене», на стеклянной дощечке которой строгими буквами значится – «Командир роты».

Вовка чуть постоял перед дверью, набираясь духа. Потом решительно стукнул пару раз и вошёл, не дожидаясь приглашения.

Николай Семенович стоял у широкого окна, почти на всю стену кабинета, и рассматривал с верхнего этажа экипажа вечерний Ростов. Вовка сам любил, особенно по ночам, смотреть из окна своего кубрика, откуда просматривался Темерник и чуть ли не весь западный микрорайон города.

-Курсант Панин по вашему приказанию прибыл! - по форме доложил Вовка, когда командир отвернулся от окна.

-Садись, лягушка-путешественник, и подробно рассказывай, где и как провел целую неделю с лишним...

-Дома я был, а потом в аэропорту Самарском из-за погоды проторчал...

-Это я и без тебя хорошо знаю... ты мне скажи, почему вовремя не вернулся?... Я понимаю, что родина твоя далековато от Ростова, но у Колчанова ещё дальше, а он, не в пример тебе, вернулся вместе со всеми.

-Но ведь в аэропорту не от меня зависело, - снова пытается свалить свои грехи и беды на Аэрофлот Вовка.

-За те три дня я тебе ничего не говорю - сам справлялся в Ростовском аэропорту... я за лишние дни, которые ты дома провел, ведь в армии ты за это под суд пошел бы...

-Так то в армии, а здесь мореходка.

-В том то и дело, что мореходка, а не институт благородных девиц, - чеканит Николай Семенович. – И мореходка для вас вместо армии и все вы носите настоящую морскую форму, а не детские матросские костюмчики!..

И вот тут, откуда-то из глубин подсознания, к Вовке пришло то самое паршивое настроение, которого он набрался за трое суток прозябания в аэропорту.

-Так, выходит, что я теперь из мореходки добровольно не могу уйти... как из армии с её обязательным сроком?..

-А ты что? – не смог скрыть своего удивления командир. – Ты уже и на это готов?

-Я долго думал, - начал завирать Вовка. – И дома мы об этом говорили... у меня брат старший в нефтяном институте учится, я тоже мог бы осенью поступить, и мы учились бы вместе...

Николай Семенович смотрел на Вовку, будто в первый раз его видел и молчал, а из того несло, как из шланга.

-У меня там братья, друзья и... девчонка тоже... хорошая...

Вовка ещё что-то нёс про природу, рыбалки, про речку Шешму и Карабашское море с нефтяными факелами в придачу...

-Да ты что?!.. В своем уме?! – перебил его, наконец, командир. – Здорово же ты подготовился к сегодняшнему разговору, подковался на все сто! Я тут его родителям телеграмму шлю, думаю, что с ним в дороге, не дай Бог, что-то произошло, аэропорт обзваниваю каждый день с утра до вечера, а он... он уходит надумал!.. И не плети сюда своих родителей! – командир распалился не на шутку. – Вот их телеграмма!..

«Наш сын вылетел из Бугульмы 28 января что случилось Панины», - прочел враз обмякший Вовка.

-А сегодня какое?! – гремел командир. – Сегодня уже первое февраля!.. Мало ли случаев, когда и взрослый народ в дороге бесследно пропадает! Родители твои ведь не знают, что где-то нелётная погода!.. Я здесь целый день его жду, думаю, что он сам первым делом ко мне, как к командиру, придет и все расскажет, чтобы потом вместе подумать о дальнейшем, а он прибыл и выжидает... особого приглашения от командира ждёт...

-Я... да я...

-Хватит якать!.. Ишь, друзья у него там, и даже девчонка.... А здесь у тебя уже и друзей не осталось?.. А на на-

бережной ты с куклами что ли гуляешь?.. Надо же ляпнуть такое...

Командир говорил ещё о том, что на Вовкино место в училище претендовало столько хороших парней, но «поступил ты, а это значит, что ты должен стать моряком, и не только потому, что сам хочешь или не хочешь, но и потому, что другие из-за тебя не поступили...»

Долго еще говорил командир. Наконец, он остановился и с минуту молча смотрел на окончательно заткнувшегося Вовку. Вдруг резко поднял телефонную трубку:

-Примите телеграмму...

Вовка услышал свой зеленогорский адрес.

-Прибыл Ростов все нормально Владимир, - продиктовал Николай Семёнович, все также глядя на Вовку.

Командир положил трубку, о чем-то ещё подумал.

-Ладно... будем считать, что ты все понял, а я обещаю никому не говорить о твоих высказываниях насчет природы, девчонок, а, главное, друзей... так что свободен, и крепко запомни наш разговор...

Вовка что-то пробормотал и тихо вышел. Он и в самом деле надолго, если не на всю жизнь, запомнил этот вечерний разговор в кабинете своего первого командира, и долго не мог простить себе того пакостного настроения...

Дин

Из всех командиров, преподавателей и прочего руководящего состава судомеханического отделения самый роскошный и вальяжный Валентин Васильевич Пелецкий - он же начальник этого самого отделения.

Впрочем, Валентин Васильевич выделялся не только на фоне сотрудников своего отделения, но и всей мореходки, исключая разве что самого начальника училища - великана во всех измерениях с греческой фамилией Кипариди.

Поднаторевшие в английском курсанты между собой называли его не иначе, как «дин», что в переводе как раз и означает начальник отделения или проще – декан. На коридорной стене, возле двери в кабинет дина, висит небольшой жёлтенький ящичек наподобие почтового, на котором значится: «Для рапортичек».

Что такое рапортичка?..

Рапортичка в переводе на штатский язык - это справка, которую ежедневно заполняет дежурный по аудитории кур-

сант. В ней он отмечает количество присутствующих и отсутствующих курсантов на занятиях в течение всего учебного дня. При этом обязательно должна быть указана причина отсутствия того или иного курсанта.

Но курсант - это не тот человек, который может отсутствовать по неизвестной причине и поэтому иногда дежурному приходится крепко поломать голову, чтобы придумать подходящую случаю причину, а не бросать в ящик дина не подготовленную рапортничку. А вообще-то, редкий курсант допускал свое отсутствие по нелегальной причине. Не было это принято, ведь ты же сам поступил, пройдя через такой отбор, так что чего уж тут прогуливать на фоне преобладающего большинства хорошо учившихся курсантов.

С другой стороны, мало кто из курсантского народа верил, что дин так уж скрупулезно изучает эти рапортнички, иначе у него не осталось бы времени ни на что другое.

За все годы учёбы Вовка никогда не видел дина вблизи, кроме как в аудитории. Неизвестно, откуда он возникал в ней, и также неизвестно, куда испарялся. Иногда его можно было увидеть в дальнем конце коридора или на другой стороне широкого вестибюля, где он, по-крейсерски величаво, нёс свое роскошное тело бывшего флагманского механика.

С курсантами Валентин Васильевич был только на «вы». Может быть, поэтому и все остальные преподаватели не допускали даже малейшей фамильярности в общении с курсантами, по крайней мере, в аудиториях.

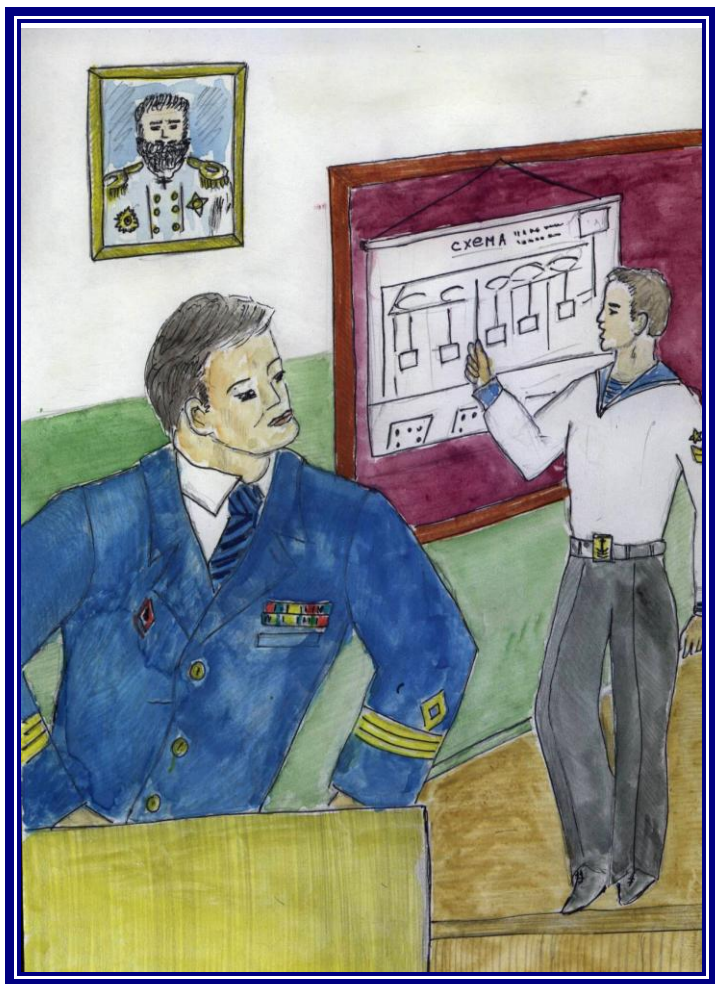
Преподавал он «Теорию и устройство корабля», притом не только механикам, но и штурманам. Но главным его предметом во все времена оставались «Судовые силовые установки», и конкретно из них – «Двигатели внутреннего сгорания». А эта дисциплина и является самой необходимой для будущих судовых механиков.

Судовые силовые установки бывают разные - от весел и парусов до атомного реактора, но самым распространенным пока остается дизель. Он то и стал главным предметом изучения на уроках дина.

Судовые дизели - это вам не «Камаз» или трактор в поле. Их великое множество, но разнятся они чаще всего только мощностью и габаритами, да разными вспомогательными причиндалами. От крошечного дизелька в спасательной шлюпке до громады размером в многоэтажный дом.

В картер такого двигателя, при снятой крышке, можно зайти, не сгибаясь, а его отдельно взятый поршень диаметром

с круглым обеденный стол. По мощности с таким дизелем может сравниться колонна грузовиков «Камаз» штук, эдак, в двести.

Ну, разве мыслимое дело хоть как-то изучить такое множество разных дизелей, строительством которых занимались многие страны. Но уже было сказано, что принцип действия всех дизелей не очень-то разнится, поэтому дин не уставал повторять:

-Мы не заставляем вас зубрить многочисленные системы дизелей - это просто невозможно. Мы даем вам общее понятие о принципах работы и устройства самых распространенных судовых дизелей и других механизмов.... А, самое главное: мы учим вас грамотно работать с технической литературой...

Здесь дин делал многозначительную паузу. Внимательными глазами осматривал ряды столов.

-Только тот, кто умеет найти в безбрежном океане технической литературы описание нужного ему механизма и по этому описанию разобраться в его устройстве и работе, - продолжал наставлять дин, - тот и на практике сумеет разобраться с любой техникой, как в эксплуатации, так и в ремонте. А это особенно важно именно в море, где часто механику не у кого бывает спросить совета...

Исходя из такой установки, он вывешивал на доске большой плакат со схемой системы какого-либо дизеля, и начинал гонять по нему будущую надежду флота:

-Так что, курсант Панин, давайте-ка, полезайте в расходную топливную цистерну и пролезьте оттуда вместе с топливом через двигатель в выхлопной коллектор, а мы посмотрим, как это у вас получится...

Вовка брал указку, находил расходную цистерну и шел от неё по трубопроводам через запорные клапаны, фильтры, насосы к двигателю...

-Не понимаю! – дин упирал ладони в конторку, немислимым образом выворачивая вперед локти. – Не понимаю...

Это означало, что Вовка заблудился.

-Начните снова... или вам помочь?..

-Сам ещё раз попробую.

-Ну что же, пробуйте...

Если дело не шло, то рядом становился второй курсант, за ним третий, а иногда даже пятый. Дин беспрестанно

повторял свое «не понимаю». Наконец, он давал команду снять плакат.

-Забирайте в кубрики и к следующему занятию, если кто-то не будет ориентироваться в системах этого дизеля и других прочих подобных, то глядите у меня...

К следующему занятию, конечно же, все знали, как и куда текут топливные, масляные и газовые струи в горячих и живых телесах дизеля.

Валентин Васильевич любил задавать необычные вопросы или, как он говорил сам, вопросы на сообразительность.

-Так... вот вам вопрос на засыпку: в чем главное отличие дизеля от карбюраторного двигателя? – с подвохом спрашивал он.

-Дизель работает на солярке, а карбюраторный на бензине, - быстро отвечал какой-нибудь курсант - торопыга.

-Различие существенное, но не главное. Кто ещё имеет соображение по этому вопросу?..

-Дизели двухтактные, а карбюраторные четырехтактные, - подскакивал ещё один торопыга с левого ряда.

-За такое мнение, курсант Коваленко, можно и пару вне очереди схлопотать. И дизели, и карбюраторные двигатели бывают четырехтактные и двухтактные.

Время шло, курсантское соображение постепенно истощалось, а дин спокойно ждал, не особенно понукая.

-Мы тут посоветовались с товарищами, - вставал с места известный юморист Сашка Дьяков, - и решили, что главное отличие в том, что у карбюраторных есть карбюратор, а у дизелей его нету...

-Что ж, неплохое соображение, а, главное, плод коллективного разума.

Кто-то пытается ещё что-то сказать, некоторых сами курсанты поднимают на смех и веселую прибаутку.

-Значит всё... - дин скользит взглядом по рядам столов. – Нет больше желающих блеснуть логическим умом.

-Скажите уж, - басит Серега Житников с заднего ряда.

-Так вот... самое главное отличие всего-навсего в том, что в бензиновых или карбюраторных двигателях топливная смесь возгорается принудительно, вспомните систему зажигания с ее свечами, а в дизелях воспламенение происходит из-за высокой температуры при высокой степени сжатия в цилиндрах ...

-У-у-у, - хором выдыхают курсанты, - это мы и так все знаем...

-Что же никто не сказал, раз все знаете?

-Мы думали...

-В том то и дело, что плохо вы думали... и, главное, не о том...

Дин всегда умел подгадать каверзный вопрос к самому концу урока, и его последние слова безошибочно совпадали с громким звонком из коридора, а курсанты всю переменку продолжали спорить о преимуществах и недостатках дизельных и карбюраторных двигателей.

Туркин

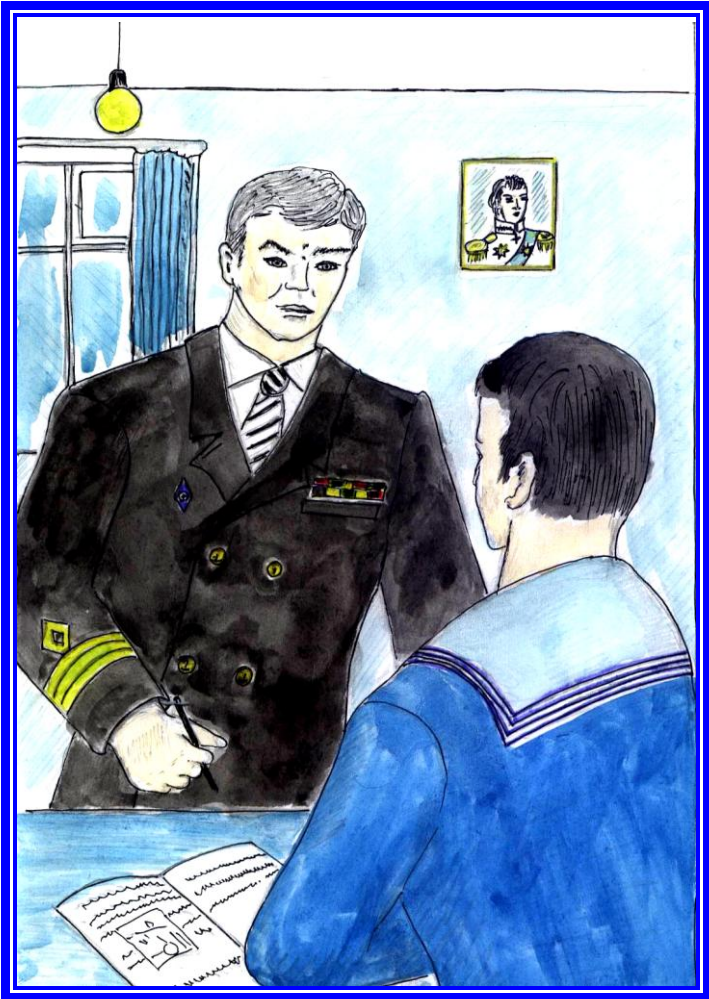
Александр Артёмович Туркин единственный из не курсантского состава судомеханического отделения, кто мог бы, пожалуй, составить дину конкуренцию в статности фигуры, но в нем не было той округлой вальяжности. Напротив, Александр Артёмович более притянут в животе и даже несколько угловато резок в движениях.

Мощный разворот плеч, необъятная спина, переходящая в крепкие, столь же мощные ноги, упруго стоящие на паркетном полу аудитории. Но самой примечательной, как это и положено, является голова. Большая и густо черноволосая, со смуглым цветом лица и кустами бровей взлет. Твердый, почти греко-римский нос, а под ним крепкие губы и массивный подбородок.

Чёрные глаза из-под бровей смотрят внимательно и всегда оценивающе. Разговаривать с Александром Артемовичем один на один сложно. Он не терпит лишних междометий, требует от курсантов четкости и ясности в изложении своих и почерпнутых из учебников мыслей.

Александр Артемович- кандидат технических наук, а в недавнем прошлом главный механик супертраулера. В училище он преподаёт «Судовые вспомогательные механизмы». Так его предмет называется в соответствии с программой подготовки судовых механиков, но сам он заявляет весомо и категорически:

-Любой вспомогательный механизм в той или иной ситуации может стать главным, от которого будет зависеть живучесть корабля, а с ним и всего экипажа. Например, - убежденно продолжает Александр Артемович, - шторм кидает судно во все стороны – кто скажет, что рулевая машина

именно теперь не становится главным механизмом вместе с главным двигателем, обеспечивая направление штормующего корабля носом на волну?.. Кто скажет, что такое штормовать?..

Сразу лес рук.

-Так, - водит взглядом по аудитории Александр Артемович, - пусть будет Туманов – он выше всех исхитрился вытянуть руку.

-Штормовать - это значит держать судно носом на волну, то есть против ветра...

-А в противном случае, что может быть с судном, а значит и с экипажем?

-Если судно повернется бортом, то есть перпендикулярно направлению ветра и волне, то может получиться «оверкиль», - блистает Валерка Туманов, - что в переводе с английского означает «вверх килем» со всеми вытекающими последствиями...

-Хорошо, садись.

Александр Артемович с минуту ходит по аудитории.

-А брашпиль... а шпиль... Они незаменимы при швартовых операциях...

Курсанты уже давно согласны, что вспомогательные механизмы на судне также важны, как и главные, но преподаватель упорно продолжает:

-Даже насосы становятся главнее всего при пожаре или пробое. Откажи они в работе в критический момент - ведрами пожар не затушишь, ими же воду из пробитого трюма не вычерпаешь...

Ясно, что Александр Артемович свой предмет любит, как и всё, что так или иначе связано с морем и флотом.

Каждый преподаватель технических дисциплин имел собственную аудиторию, то есть классное помещение, где он и вбивал свой предмет в головы курсантов. И каждый преподаватель стремился сделать свою аудиторию не просто комнатой с рядами столов, а выставочным залом, в котором бы на стенах моргали лампами схемы коммуникаций, а на стеллажах стояли разрезы иногда действующих макетов судовых механизмов.

Александр Артёмович, по разумению курсантов, преуспел в этом более других.

-Так... кто из вас способен сделать макет траловой лебёдки среднего траулера. Два курсанта на одну лебёдку... при этом работа будет зачтена вместо курсовой...

-Я!.. – тянули руки со всех рядов...

-Предупреждаю, что, если макет мне не понравится, то и зачёта по курсу, соответственно, не выйдет...

Обычно на группу Туркин давал пять-шесть макетов. Вот и Вовка с Сашкой Назыровым сделали макет брашпиля большого траулера, который работал от маленького электромоторчика, и был размером со швейную машинку. Вовка, конечно, признавал, что своей пятёрке по курсовому он больше обязан Сашке, но чертежи, которым следовал Сашка, всё же выполнил Вовка. Потом он делал собственноручно и не очень ответственные детальки.

На втором курсе, в самом начале второго семестра, курсанты не сразу, а как-то постепенно, исподволь стали замечать, что Александр Артемович меняет стиль своего преподавания.

Если раньше обстановка на его уроках мало чем отличалась от обстановки на уроках того же дина, то теперь он стал все больше и больше времени предоставлять возможность курсантам заниматься самостоятельно или почти самостоятельно.

-Курсант Абрамов, - поднимал он первого по списку, - вот вам схема и техническое описание траловой лебедки среднего траулера, изучить и подготовиться на высшем уровне. На следующем занятии будете рассказывать про эту лебедку вместо меня... А вы, курсант Бакумов, после Абрамова будете рассказывать всей аудитории про кинематику траловой лебедки большого траулера...

На следующем занятии Абрамов и Бакумов поочередно распинаятся у доски, увешанной плакатами, а сам Александр Артемович сидит за своим преподавательским столом и чем-то сосредоточенно занимается, кажется, абсолютно не обращая внимания на то, что творится в аудитории.

Но стоит только стоящему у доски в чем-то запнуться, Александр Артемович тут же поднимает голову, и безошибочно вклинивается в новую методу преподавания:

-Абрамов, как мы договаривались? – недовольно шепелит он густыми бровями. – Вы не мне отвечаете заданный урок, а обстоятельно излагаете материал всей аудитории вместо преподавателя...

На некоторое время Александр Артемович берет бразды правления на себя, выходит из-за своего стола и пару раз прохаживается вдоль курсантских столов. Но в подходящий момент снова углубляется в свои толстые тетради.

Таким образом, все курсанты, согласно алфавита, сумели побывать в роли преподавателя, и каждый из них, конечно, лучше всего и надолго изучил именно тот механизм или устройство, о котором ему пришлось излагать для всей аудитории.

Но чем же все-таки занимался Александр Артемович, не выпуская из своих рук контроль за аудиторией?

-Я готовлю к изданию учебное пособие по судовым вспомогательным механизмам, - как-то, по прошествии нескольких месяцев, признался Александр Артемович. - И теперь мне нужна ваша помощь. За полгода изучения этого предмета вы, конечно, заметили, что я для вас выискивал материал где только придется, особенно в части рыбопромыслового оборудования.... То есть для мореходных училищ рыбной промышленности до сих пор нет своего учебника по такой важнейшей дисциплине, что и заставило меня заняться этим с вашей посильной помощью...

Курсанты с восторгом приняли возможность своего участия в таком серьёзном и важном деле, как издание собственного учебника. Александр Артемович раздал всем курсантам роты по исходному чертежу, размером в половину тетрадного листа, иногда и того меньше, и попросил все это увеличить до размера стандартного ватманского листа.

-Так того требует издательство. Видимо, технические возможности позволяют тиражировать изображения только определенного размера.

Месяц курсанты шуршали огромными листами ватмана, и не только в аудиториях, но и в кубриках, надолго поочередно занимая единственные столы между койками.

В кабинет черчения с двумя десятками кульманов тоже выстраивалась очередь - теперь здесь не пустовал ни один прибор до самого позднего вечера, а иногда сюда спускались и после вечерней поверки и отбоя.

Автор придирчиво осматривал каждый лист, почти всех просил что-то переделать, вносил свои изменения, но всё кончается, как кончилась и эта почетная работа.

-Видите, какая куча материала нужна для того, чтобы получился один не такой уж большой учебник, - показал однажды Александр Артемович на неподъемную стопку ватманских листов и большую пачку машинописных страниц. - А сколько перелопачено разной технической литературы, специальных журналов, даже заводских инструкций, чтобы выбрать основное, главное.... Но, наконец-то все позади, че-

рез недельку я все это сдам в издательство, и нам останется только ждать...

И всё же курсантам Вовкиной роты так и не пришлось поучиться по своему учебнику - издательское дело оказалось куда как длинным. Они закончили третий курс, после которого ушли на многомесячную практику, а учебника всё не было.

Лишь по возвращении из морей и океанов, «соавторы» увидели свой учебник, но то была пора уже других дисциплин. И все-таки каждый курсант - «соавтор» приобрел учебник кандидата технических наук Туркина Александра Артемовича, в котором все узнавали свои чертежи, и каждый был несказанно рад этому.

Великое дело увидеть свой труд, отображенный в печатном слове, а в рисунке или чертеже и того более.... Нет нужды говорить, что Александр Артемович украсил экземпляры всех своих «соавторов» затейливым автографом.

Юлия

Английский язык у будущих мореходов - один из профилирующих. Ну что за моряк, который не может хоть как-то объясниться на самом распространенном языке в мире?..

Курсанты, конечно же, называли её просто Юля или даже Юя с ударением на первую букву, а получилось это буквосочетание от первых букв - Юлия Яковлевна. Но чаще всего для всех она звалась Юлией. Да и как иначе?.. Ведь Юлия совсем еще молодая женщина, почти девушка. Правда, для 16-17-летних курсантов разница в пять-шесть лет - это уже эпоха, но эпоха легко преодолимая.

Вообще-то женщина-преподаватель в мореходке большая редкость, да и те бывают только потому, что в стране постоянная напряжёнка с мужчинами-преподавателями иностранных языков. Но зато сколько внимания от сильной половины человечества - от офицеров и преподавателей сугубо мужских дисциплин, до курсантов старших и младших курсов.

В школе Вовка изучал английский, и в этом ему крупно повезло. За три школьных года с иностранным языком он все-таки вдолбил в себя некоторые азы, и теперь, когда всё снова началось с тех же азов, то новое легко наложилось на старое и в сумме получились неплохие результаты.

Так что, с учетом открывшихся способностей к языку, Вовка, в отличие от тех, кто до училища занимался немецким

или французским, легко шел от семестра к семестру, из курса в курс.

Что такое азы в английском?.. Да то же самое, что и в русском: «мама моет раму», «мы любим маму», «пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я...». Последнее уже из песни, которую тоже давно перевели на английский.

Со стороны, наверняка, интересно было бы посмотреть и послушать, как великовозрастные лбы в морской форме стоя у доски, а ещё лучше сидя за столами, на все лады и хором склоняют по падежам про маму, про раму, про солнце и голубое небо. Ну, чисто школьные первоклашки! А между столами дирижирует указкой роскошная женщина, и тоже в строгой морской форме.

Успешное изучение иностранного языка предполагает более тесное общение с преподавателем, и поэтому группа курсантов из тридцати человек разбита на две подгруппы.

Не дураки были древние греки, а за ними и римляне, сделавшие основным кирпичиком в строительстве своих победоносных армий всего-навсего декаду, то есть группу воинов из десяти человек.

Именно столько солдат насчитывают отделения и в современных армиях. Такое количество наиболее оптимально для управления самым младшим командиром, так как каждый боец управляем, как пальцы на руках, которых, кстати, тоже десять.

А где десять, там и полтора, тем более в мирных условиях мореходки. Так что спокойно отсидеться на паре часов иностранного никому не удавалось. Все успевали поталдычить диалоги с Юлией и между собой, рассказать выученные загодя тексты и записать бесконечные диктанты.

А теперь о самой Юлии. Её нельзя назвать красавицей. У неё широкое, смугловатое лицо, глубоко посаженные умные глаза, но вполне интеллигентный, ровный нос, маленький рот с пухлыми губами в придачу, круглый и чистый девичий подбородок. При всем при этом, главное украшение Юлии - великолепные чёрные волосы, множеством мелких локонов и завитушек падающие на плечи и дальше, на спину.

Да, фигура у Юлии несколько широковата, но она не из тех русских женщин, про которых до сих пор говорят: «коня на скаку и в горящую избу...». От неё во все стороны веет не силой и мощью, а излучается тепло и доброта, и к тому же у неё удивительно маленькие, почти кукольные ладошки.

Вовкина подгруппа, в которой управлялась Юлия, была второй - в первую он не попал по причине всё того же алфавита. Эту подгруппу вела совсем другая «англичанка» и звали её тоже по-английски - Элла.

В противоположность несколько приземленной Юлии, Элочка была вся сотворена из воздуха и легкого голубого тумана. Раз Элла - значит обязательно блондинка с пушистыми золотыми волосами и причёской под «нимб».

Почему под «нимб»?.. Да потому, что любой свет, падающий на Элочку сзади, особенно, если это солнце, высвечивал над её головкой самый настоящий нимб. В такие минуты очень хотелось заглянуть ей за спину и обязательно увидеть там белоснежные крылья. Ну, хотя бы самые маленькие – пусть не для полёта, а для полного соответствия ангельскому началу...

Такие преподаватели, как Элочка, в мореходских аудиториях долго не задерживаются. Скорее всего, потому, что к её услугам богатейший выбор женихов всех калибров и мастей. Вот и наша Элочка не долго порхала со своим английским среди курсантских столов. Какой-то пятикурсник увез её с собой в янтарную Прибалтику.

Но вернемся к Юлии. Как-то, на маленькой переменке, Вовка спросил:

-Юлия Яковлевна, а когда можно будет считать, что с английским у нас на «ять»?..

-Пять лет иняза, - сразу ответила Юлия, - а потом хотя бы года три практики.

-Что значит «практики»?..

-Это значит пожить в Англии или другой англоязычной стране. В крайнем случае, несколько лет поработать переводчиком или экскурсоводом в «Интуристе»...

-Где же нам набрать столько лет? – подключился к разговору Сашка Назыров. – У нас и пяти полных не наберется, да к тому же здесь не иняз и не «Интурист».

-Не переживайте, – мягко улыбается Юлия. - Вам достаточно уметь задать несколько вопросов, если вы заблудитесь в иностранном порту и, главное, понять ответ местного прохожего...

-Ну вот... а я мечтал Шекспира в подлиннике прочитать, - почесал загривок Вовка, который и по-русски то стихи читал только иногда и притом из-под хорошей палки.

-А я наоборот «Войну и мир» мечтал на английский язык перевести, - взгрустнул, глядя в потолок, Сашка.

-Да... мне бы ваши беды, - заулыбалась Юлия. – А Толстой уже давно переведён и не только на английский.

-Эх ты.... а я и не знал до сих пор. Большого маху мог бы дать на весь мир - вот уж велосипед так велосипед получился бы...

За шутками и прибаутками короткая пятиминутная переменка быстро проходила, все расходились по своим местам.

-Вообще-то, когда вы научитесь думать на английском или во сне in English будете разговаривать - вот тогда и будет, как вы говорите, эта самая «ять»... - уже под звонок закончила, начавшийся на переменке, шутейный разговор Юлия.

-Как ты думаешь? – толкнул Вовка в бок Сашку, - нам это грозит?..

-Что?..

-Во сне на английском разговаривать...

-Думаю, что нет, - вздохнул Сашка. – Так что не переживай ...

Сашка оказался прав - думать по-английски они не научились. А после училища с английским языком Вовке пришлось первый раз столкнуться в канадском порту Ванкувер. Тогда он разговорился с местным береговым ремонтником и выпросил у того бутылку «волшебной воды» для отворачивания намертво прижавевших болтов и гаек. Второй раз им уже обоим с Сашкой пришлось вспомнить свой английский в поезде Владивосток-Москва во время долгого вояжа через всю Россию

Тогда они вполне на уровне разговорились с пассажирами из соседнего купе, оказавшимися настоящими американцами.

На другой день ростовских друзей долго «разбуривали» сотрудники «Конторы глубокого бурения» - так иногда зеленогорские нефтяники называли один из самых серьёзных советских комитетов, что на Лубянке. Слава Богу – тогда всё обошлось...

Гуманитарий

Алексей Иванович Терещенко – преподаватель литературы, которую он сам любил называть непременно словесностью. Ему уже далеко за пятьдесят, его внешность тоже вполне «тянет» на этот возраст. Он чуть выше среднего роста и такой же полноты. Алексей Иванович тоже носит морскую

форму, как и положено преподавателям мореходки, но моряком никогда не был, что для учителя литературы совсем и не обязательно.

Алексей Иванович понимал, что его наука будущим мореходам лишь для общего развития, при этом они изучали или «проходили» её только на первом курсе, успевая за год пропустить через себя всю программу средней школы.

-Вам, молодые люди, как будущим морским офицерам, пусть и гражданским, надо быть всесторонне образованными. Я далёк от того, чтобы вы по памяти читали «Евгения Онегина» или цитировали Толстого с Достоевским, но вы не должны ударить в грязь лицом в любом обществе, ляпнув что-нибудь типа «Пушкин был дядей Лермонтова, а сам Лермонтов внебрачным сыном датской королевы...»

Литературу Алексей Иванович преподавал совсем не так, как это было в школе, во всяком случае, так виделось Вовке. Он не заставлял заучивать образы героев из классики, не заставлял заучивать и стихи будь они Пушкина, Лермонтова или Маяковского. Он считал за один период всю русскую литературу до восемнадцатого века, на второй период у него хватало литературы восемнадцатого века, зато девятнадцатый век был разбит у него пофамильно.

-Уверен, что многие из вас не прочтут «Евгения Онегина» – пусть это будет так. Но я никак не соглашусь с тем, что среди вас есть такие, кто совсем равнодушен к Пушкину, и к поэзии вообще...

Вовка равнодушным не был. Он не любил стихи, чьи-ми бы они ни были. Скорее всего, это с ним получилось из-за бесконечной их зубрёжки в школьные времена, а так как он не любил каких-либо насильственных действий относительно себя, то и стихи в какой-то мере стали для него инструментом насилия к его сознанию и личности.

Но он со вполне законным интересом прочитал «Капитанскую дочку», «Повести Белкина», скорее всего, он прочитал бы и «Онегина» будь он написан прозой. Прочитал же он лермонтовского Печорина от корки до корки, а ведь суть-то двух этих героев одна. Во всяком случае, так считают многие литературоведы.

Итак, Алексей Иванович ничего не требовал знать наизусть (а если бы требовал, то ходить бы Вовке в двоечниках по литературе). Он читал обзорные лекции по каждому поэту, писателю, которые в первую очередь состояли из кратких, но

ёмких биографий. При этом биографии давались в переплетении с судьбами других известных людей того времени.

Далее он разбивал на периоды творческую жизнь литературного гения и вместе с этим и всё его творческое наследие. Проще говоря, он всё раскладывал по тем самым полочкам, которые так хорошо и почти зрительно откладываются в молодых, ещё вполне цепких мозгах.

Так что к концу литературного курса все курсанты могли чётко отвечать, что, скажем, Некрасов родился в 1821 году. Его детство и юность прошли на Волге, потом он учился в Петербургском университете... Автор многих поэтических произведений, в том числе «Кому на Руси жить хорошо», «Коробейники», «Железная дорога»... Был редактором прогрессивного журнала «Современник», а также другом и единомышленником революционных демократов Чернышевского, Добролюбова, Белинского...

Примерно в таком духе каждый курсант уверенно и надёжно познавал нашу великую русскую литературу.

-По такой элементарной схеме вы теперь знаете всех наиболее выдающихся литераторов прошлого и настоящего, - говорил Алексей Иванович. - Но я скажу вам по секрету, что знания такого рода являются суррогатными... Для того, чтобы иметь живое, человеческое представление об авторе, надо обязательно прочитать хотя бы одно-два его центральных произведения...

Но никому не возбранялось покопаться в библиотеке и читать какого хочешь автора, что многие делали совершенно добровольно, в том числе опять-таки Вовка Панин, который и вовсе не представлял свободное время без книги, если это не увольнение с набережной или парком Горького.

Стыдно признаться, но «Войну и мир» он так и не осилил. Он начинал читать роман несколько раз и каждый раз он перелистывал страницу за страницей, выбирая места с диалогами... Страницы, сплошь забитые сверху донизу мелким шрифтом, он отвергал напрочь. Зато описание Бородинской битвы он прочитал с большим интересом, и тогда впервые его очень заинтересовала личность Наполеона.

«Конечно, Лев Толстой, будучи русским, рисовал Кутузова одними красками, а Наполеона совсем другими, - раздумывал Вовка, очередной раз отставив толстую книгу далеко в сторону. - Надо бы про Наполеона и вообще про тогдашнюю Францию что-то другое хотя бы в нашей библиотеке глянуть...»

И он сразу нашёл. Библиотекарша Валентина Ивановна разрешала курсантам самим лазить по полкам, для чего она вывесила возле себя подробную схему книжных стеллажей во всех залах библиотеки, где вполне подробно указала перечень всех книг и по тематике и по алфавиту.

Книга неизвестного доселе академика Тарле захватила его сразу. Наполеон в этой биографической книге был совсем другим, чем у Толстого...

Алексей Иванович был явным «толстовцем», именно поэтому на всём курсе литературы больше внимания было уделено именно Льву Толстому и его главному роману. Поэтому и три темы курсового сочинения были из этого романа. Одна из тем ставила утверждение: «Превосходство Кутузова над Наполеоном, как полководца и как человека».

Вовка долго не думал и выбрал именно эту тему, в пик образам и Наташи, и Андрея. Наташа и вовсе, после измены Андрею, перестала быть для него воплощением чистоты и наивности.

«В Отечественной войне правда всегда и везде на стороне тех, кто обороняется, - писал Вовка. – И какие бы ни были конечные цели у Наполеона, он пришёл со своей армией в Россию, как захватчик, как агрессор и здесь, бесспорно, Кутузов, ведя освободительную войну за свою Родину, как человек, на голову выше Наполеона...»

А дальше Вовка писал только о полководцах.

«Почему я не согласен с тем, что Кутузов выше Наполеона и как полководец?..

Во-первых, Кутузов сам выбирал поле предстоящего сражения, что уже давало ему, при правильном выборе, большое преимущество, так как заведомо предполагало неудобные позиции для войск неприятеля...

Во-вторых, Кутузов выбрал поле предстоящего сражения, но Наполеон сумел ему навязать другое место сражения. Не предвидеть такой возможности со стороны неприятеля для Главнокомандующего просто недопустимо...

В-третьих, на позициях Кутузова было сосредоточено 640 орудий, у Наполеона 587, а именно с тем временем более всего соотносится крылатое выражение «Артиллерия – Бог войны»...

В-четвёртых, у Кутузова к началу Бородинского боя была армия числом 155 тысяч, у Наполеона 134 тысячи...

В-пятых, существует никем не опровергнутый закон наступательного боя, который гласит, что из атакующих по-

гибает вчетверо больше, чем из правильно организованной обороны...

В-шестых, несмотря на вышеприведенный закон наступательного боя, который вела армия Наполеона, потери французов во всей битве составили 55 тысяч человек, против 45 тысяч погибших наших воинов... вполне сопоставимо.

В-седьмых (а может, и во-первых), дух русского воинства, которое защищало свою Родину. Но сила русского духа в этом сражении проявила себя только в отдельных эпизодах, притом, на мой взгляд, совершенно независимо от чьего-либо полководческого гения, а в некоторых моментах и вопреки...

В-восьмых, победить противника, имея превосходящие силы, это не доблесть и геройство, хотя на многих участках битвы русские солдаты и офицеры совершали чудеса героизма, но скорее это было не в согласии с планами командования, а вопреки (Шевардинский редут, батарея генерала Раевского). Но в Бородинской битве победы не было...

В-девятых, тайно оставить русское Бородинское поле, иначе говоря, отступить, пусть даже, в целях сохранения русской армии. И это в самом центре России – это ли не поражение...

И, наконец, в десятых - Москва всё-таки была сожжена... Французами или русскими, но сожжена и дотла...»

Через неделю в аудитории русской словесности состоялся разбор сочинений. Алексей Иванович отмечал хорошие и лучшие из них. За сочинение каждый курсант получил сразу две оценки – одну за само литературное сочинение, а вторую за грамматику. Время шло, и Вовка ждал с затаённым чувством какой-то неопределённости. Но стопка тетрадей на столе неумолимо таяла, а до Вовкиной всё не доходила очередь.

«За такое сочинение он может и по начальству доложить, а там неминуемая беседа с замполитом, а тот ещё напишет про патриотизм...» - грыз сам себя Вовка, по мере продвижения к концу разбора сочинений.

-А вот курсанту Панину я поставил не две, а три оценки. За сочинение – пять, за грамматику – четыре и третью – двойку за свою вольную интерпретацию произведения Льва Толстого, - поднял, наконец, последнюю тетрадь Алексей Иванович. – Аргументы у вас, курсант Панин, довольно убедительные, подтверждены даже цифрами, но за ними у вас стоит явное возвеличивание личности Наполеона. Сам я, к сожалению, не встречался с трудами академика Тарле, на ко-

торые вы то и дело ссылаетесь в своём сочинении. Но... мы с вами учимся не в Академии Генштаба, и не нам делать выводы или решать о том или ином историческом сражении.... Да и цель у нас сегодня такая не стоит...

-А двойка эта куда ему пойдет? – вытянулся Сашка Назыров. – В приложение к диплому?..

-По литературе будет выведена одна оценка – средняя. У всех из двух, а у него из трёх.

-Значит, его одиннадцать баллов делим на три, получается 3,6666 в периоде.... Стало быть, округляется до четырёх?.. А если бы не было этой двойки?..

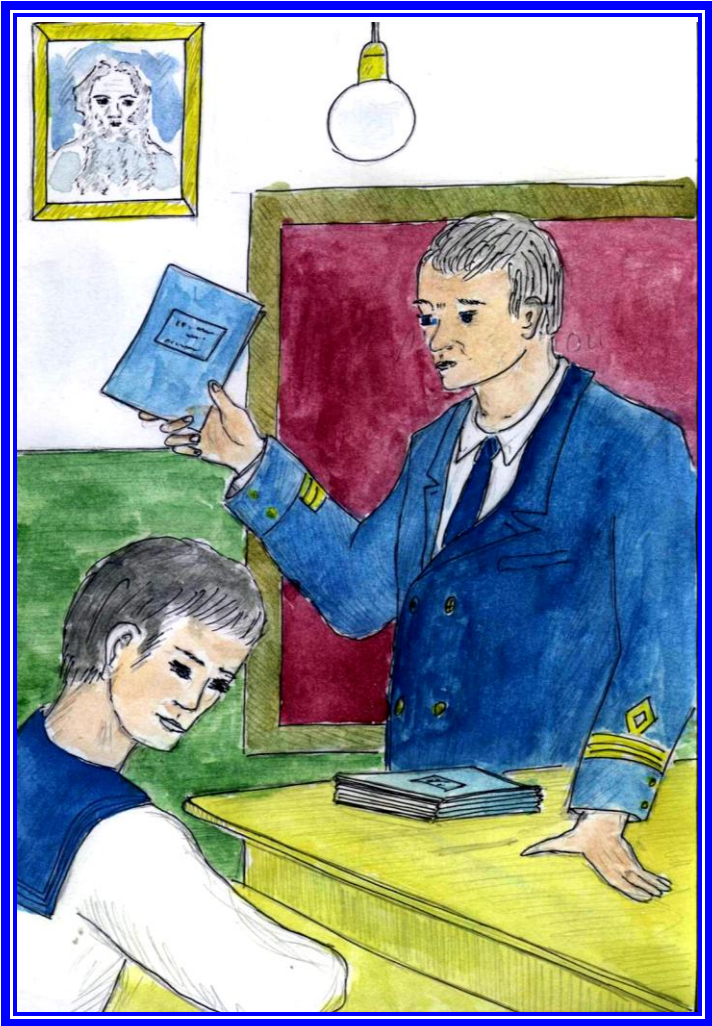
-Тогда все равно было бы четыре. В сторону пятёрки я никому округлять не собираюсь. И пусть курсант Панин впредь больше думает, чем пишет...

Пока Алексей Иванович говорил о его сочинении, Вовка сидел истуканом, словно речь шла о чём-то совсем постороннем. Он очнулся только тогда, когда преподаватель спросил его:

-Курсант Панин, значит, вы убеждены, что Наполеон, как полководец, превосходит Кутузова?..

-Я только написал, что Кутузов в Бородинской битве не превзошёл Наполеона, хотя факты, к сожалению, говорят в пользу француза...

Четвёрка по гуманитарной науке, которую выставил Панину Алексей Иванович Терещенко, была одна из многих в ряду прочих, которые также были получены, как средние величины из всех отметок по всем дисциплинам.

За стенами экипажа Свадьба

Колчанов Витька родом из-под Кирова. «Вятской» – как он сам иногда говорил про себя, но при этом никакого характерного акцента у него не наблюдалось. У Витьки тёмно-русый, почти чёрный волос, крепкая голова на фундаментальных плечах. Он невысок, но строен в осиной тали. Поначалу Вовка всё допытывался:

-Откуда у тебя такая фигура?.. Ты что - культуризмом занимался или ещё чем?..

И в самом деле: в 128-ой группе не было больше ребят с такими мышцами на единицу веса тела да ещё в такой абсолютной пропорции. Но за все годы учёбы Витька себя никаким спортсменом не проявил, культуризмом с железяками тоже не занимался.

- Откуда, откуда... с детства я такой – отец с матерью на совесть потрудились, - иногда притворно огрызнулся Витька в сторону любопытного,

Да... не всё ещё справедливо на белом свете. Другой с утра до вечера с гирями и гантелями над собой измывается, а хилиак хилиаком, а здесь от рождения Алёша Попович, хоть и росточком невелик...

К такой замечательной фигуре Витька ещё имел тёмно-голубые глаза, доставшиеся ему наверняка от одного из самых ласковых телят с богатых разнотравьем вятских берегов, и такой же характер. За всё время учёбы Вовка не припомнит ни одного крепкого слова с его стороны, ни одной, хотя бы на полгромкость, грубости. А может, просто ему никто повода не давал?..

С девушками с разными успехами вели знакомства все курсанты без всякого исключения. Некоторые, как совсем недавно Мишка Романов, крепко влюблялись и долго переживали размолвки, а то и вовсе полные отлупы. Иногда они сами рассказывали своим близким друзьям о своих сердечных

похождениях, да и скрыть такие дела в круглосуточном общении было просто невозможно.

-Хватит переживать – ты у нас вон какой!.. А их на набережной тралить – не перетралить...

Витька в этой области курсантской жизни был себе на уме. Он редко ходил с другими курсантами по набережной или в центральном парке, затраливая всех подруг без особенного отбора, а потом отсеивая улов или отсеиваясь сам. Он ещё чуть ли не со второго курса начал пропадать в одном из самых отдалённых районов города Ростова – Сельмаше. Вовка пытался, было, разведать у своего земляка и друга о его похождениях, но тот почти всегда неизменно отвечал одно и то же:

-Вы давай крутите со своими малявками, а я парень серьёзный, - задирал он подбородок выше мичманки. - Мне по кино шастать да газоны топтать некогда...

Тем самым он доводил до полного тупика своих друзей. Но в конце третьего курса, перед долгожданной практикой, Витька, вернувшись в кубрик последним после очередного увольнения, широко объявил по всему кубрику:

-Пацаны!.. Я женюсь!..

Витька, Вовка Панин, Сашка Назыров и Дьяков, Мишка Романов и Серёга Житников, Валька Трунов и Лёшка Педченко жили в одном кубрике и сегодня на Витьку уставились все семеро его друзей. Действительно, в последнее время Колчанов и вовсе обнаглел: он стал исчезать из кубрика в личное время, а это почти полных три часа и вот сейчас он нарисовался весь из себя сияющий как блин. Да и на дворе как раз была масленица...

-Подумаешь...- первым отреагировал Вовка. - Мы тут по три раза уже переженились и четырежды развелись...

-Дурак ты... я женюсь на самом деле – вместе с паспортом.

-Да ты хоть в этот самый паспорт заглядывал?! – подскочил с койки Сашка Дьяков. – Тебе восемнадцать-то есть?..

-За меня не волнуйся - через три дня ровно восемнадцать... и ещё кое-какое очень важное обстоятельство.... В общем, мы с Людой подали заявление и через две недели свадьба...

-Свадьба!!! Ур-ра! – завопил Валька Трунов. - Я ещё никогда на свадьбах не бывал...

-А ты уверен, что он нас, курсантскую шантрапу, пригластит?..

-Приглашаю весь кубрик!.. Это уже согласовано во всех инстанциях! – официальным тоном объявил Витька. – Да и кого же мне приглашать, как не вас?..

Витькино известие о предстоящей свадьбе крепкошибануло по состоянию души. Вовка рассуждал вслух:

-Да... вот и свадьба на носу, хоть пока и не моя. А что такое свадьба?.. Это уже совсем взрослая жизнь... пойдут дети с пелёнками, кухня с прихожей, тапки на босую ногу и прочая-прочая... нет, уж больно рано затеялся Витька со свадьбой....

С Вовкой соглашались Сашка Назыров, Дьяков. Зато Вальке Трунову, которому до 18-ти «тянуть» ещё целых полгода, самому не терпелось:

-Молодец, Витёк!.. Люблю решительных. Он теперь настоящий мужик и гражданин, а мы кто?.. Подростки из подворотни!..

Недавно и у Вальки случилась та самая «трагедь», по причине которой некоторые слабаки маются неделями и месяцами, и даже с тоской смотрят с этажа повыше на твёрдый асфальт внизу... Валька, конечно, никуда прыгать не собирался, но действительно сильно переживал и теперь жгуче завидовал Витьке.

-Эх... и почему же мне так не везёт с девчонками?..

До свадьбы, как сказал Витька, оставалось две недели, и все эти дни только и было разговоров, что о предстоящем торжестве. Главная тема – надо было варганить подарок.

-Как раз степуха – давайте в кучу, и что-нибудь купим, - горячился лихой казак Мишка Романов.

-Да что можно купить на сорок рублей?.. Рубашку и флакон одеколona... это всё преходяще. Надо что-то такое, что напоминало бы об этом событии если не всю жизнь, то многие годы вперёд! – выступил рассудительный Серёга Житников.

-Надо большой пар-русник из нер-ржавейки сделать, - пророкотал чуть картавый Сашка Назыров. – Это уж и правда на всю жизнь останется...

-Правильно! – хором подпрыгнули все, кто где стоял. – А стипендия пригодится на цветы, шампанское, то-сё...

Небольшие парусники из латуни и нержавеющей стали ребята делали ещё раньше во время слесарной практики, но теперь предстояло выдать что-то эпохальное. Лучше всех слесарил как раз Сашка Назыров, с ним Лёшка Педченко. Вовка примкнул к ним, как лучший дизайнер – именно по его ри-

сунку-проекту было решено строить парусник больше полметра длиной. Одних только парусов разных размеров и фасонов нужно было сделать почти полсотни штук!..

Целым днями только и было делов, что возня с кусками нержавеющей стали. Сашка с Лёшкой испортили не один лист дефицитной стали, пока, наконец, у них получился корпус стремительной бригантини. Остальные ребята во время всех перерывов, иногда даже на уроках, шлифовали выпукло откованные косые и прямоугольные паруса.

Гравёр на первом этаже Ростовского ЦУМа славянской вязью вывел на бортах и корме имя «Надежда», а на фор-бом-брамселе крупно наискосок: «Пусть эта «Надежда» не оставит вас всю жизнь, пусть она несёт вас в прекрасную даль, где все надежды и мечты сбываются!..»

Вот кому чуть было не ушла вся курсантская наличность в рублях, но в последний момент гравёр упрямо отказался:

-Сам из водоплавающих...

От виновника эту деятельность скрыть, конечно, не удалось, но ему было категорически запрещено вмешиваться, да тому и без парусника забот хватало по самые уши.

Но вот, наконец, работа закончена, кирпичом отдраены руки от насквозь вевшейся зелёной пасты ГОИ и бригантини, сверкающая тысячами ярких звёзд, выставлена в красном уголке на всеобщее ротовое обозрение. К такой красе равнодушным никто не остался – со всех сторон наперебой раздавались возгласы восхищения и одобрения.

-Чтобы к выпуску мне тоже такой парусник сделали, - на полном серьёзе заявил ротный командир, с чем ребята безоговорочно согласились.

Пятница – день свадьбы обернулся никогда ранее неизвестными хлопотами. Как-то, незадолго до пятницы, Витька объявил, что своим свидетелем на свадьбе он назначает Вовку Панина.

-Потому... что мы спим на одной койке – я на верхней, а он на нижней, - опередил он возможные вопросы по этому поводу.

Что такое свидетель, Вовка знал только из книжек про криминал, и теперь у него возникло много неясностей.

-Да не дрейфь ты, - успокаивал Витька. - Твоя задача – быть всё время возле меня, а где расписываться – покажут...

Сам Витька, как ни странно, держался молодцом, будто бы в ЗАГС он делает, по меньшей мере, вторую ходку, а может, и вовсе третью...

-И ещё: тебе надо будет следить за временем. Чтобы точно быть везде по расписанию: за невестой к одиннадцати, в экипаж – в двенадцать тридцать. И в ЗАГС – самое главное - ровно в час дня!..

И понеслось!.. С утра привели в надлежащий вид не первой свежести училищный автобус, незатейливо и строго по-флотски его украсили и даже придумали, с разрешения водителя, укрепить ярко сияющую бригантину «Надежда» на капоте.

У подъезда невестиного «терема» грудью стояли ряды «поддатой обороны», но курсанты во главе с Серёгой Житниковым с ходу прорвали все три ряда и навзничь опрокинули плотные заслоны на лестничных площадках. В «тереме» тоже не хотели отдавать невесту за просто так, но «продавец» – малолетний братишка нареченной, завидев грозную силу в мичманках и тельняшках, тут же «продал» сестрёнку со всеми потрохами за бесценок...

Получив благословение родителей невесты, Витька сгрёб в охাপку свою суженую, и старательно донёс её до нарядной «Волги» с бегущим оленем. Это была та самая худенькая девушка, с которой Колчанов недавно попал в передрягу на набережной. Сашка Назыров, а потом и Мишка Романов, ещё в тот вечер поделились с Вовкой, что Витькина «неизвестная» очень даже симпатичная девчонка, и сегодня он имел случай в этом убедиться. А во время той драчки Вовки в экипаже не случилось, он тогда на набережную не бегал и Люду не видел.

Сашка Дьяков не задержался и тоже вякнул или про себя, или вслух:

-Да-а... а наш Витька-то парень!.. Хоть сейчас в кино вместо Алена Делона...

Но все и без Сашки видели, что жених из мореходки и невеста даже лучше всяких писанных киношных красавиц и красавцев, и чётко продолжали исполнять обязанности почётного сопровождения.

И в самом деле, Витька по такому случаю был разряжен в пух и прах по гражданке. Переливающийся чёрный костюм, остроносые рифлёные туфли на высоченном каблук, галстук-бабочка... короче – знай наших!..

Но и в дни торжества, и после Витька так и не признался, откуда и как он сумел так знатно прибраться.

Тем временем кортеж из двух легковушек и автобуса держит курс к экипажу – родному дому жениха. Возле ворот с будкой КПП кортеж встречает курсантская братва во главе с командиром роты и старшиной Величко.

Витька важнецки представил невесту ротному начальству и своим однокашникам. Николай Семёнович на правах посажёного отца (а кто же ещё?!..) завершил своё довольно пространное благословение традиционным напутствием «Совет вам да любовь!». Невеста посмотрела Витькин кубрик и его холостяцкое ложе. Забегая вперёд, скажем, что Колчанову после свадьбы разрешили еженедельное увольнение от субботы после занятий до начала уроков в понедельник. И в наряд по выходным его уже не ставили...

...Ребята из кубрика, командир и старшина Величко заняли места в автобусе и наладились вслед за легковушками.

В ЗАГСе долго не задерживались. Там, как и везде, была очередь, но курсантский кортеж прибыл точно в назначенное время, и скоро Вовка рядом с женихом и невестой предстал пред светлы очи ЗАГСовского начальника. Дрожащей рукой вывел каракулями подпись в нужном месте... потом вальс Мендельсона, шампанское....

Снова автобус... но вот и длинющий стол буквой «П» в каком-то заведении. Полились заздравные речи и тосты... Вовка тоже что-то говорил «от имени и по поручению» и... больше ему ничего из первого дня не запомнилось.

Утром спозаранку Витька разбудил Вовку и Сашку Назырова, которые в штанах и тельняшках дрыхали на застеленном полу:

-Командир вчера был в хорошем настроении и дал вам увольнение до воскресной вечерней поверки. Так что это мне ещё один подарок от него лично.

-Вот это действительно подарок так подарок и не только жениху! – подскочили друзья. – Это же целых два дня!.. Спасибо командиру...

За эти два дня ребята справили свадьбу по полной программе...

А скоро курсанты надолго расстались. После учебной практики Вовке не пришлось побывать у Колчановых – он мотанул домой прямо из Херсона, где базировался учебный флот. За учебной - шесть месяцев производственной практики, а у кого-то она растянулась и на все восемь, в том числе и у Витьки.

Витька практиковался в Севастополе на супертраулере «Наталья Ковшова» и здесь ему крупно повезло. С этим траулера он побывал и в портах Средиземного моря, и в Экваториальной Африке, и даже в Южной Америке в том самом Рио-де-Жанейро, о котором так мечтал сам великий комбинатор Остап Бендер.

Вернулся он в экипаж одним из последних. В тот же день собрал весь кубрик в своей небольшой комнатёнке при каком-то общежитии.

А на полу деловито кочевряжился... маленький Колчанчик!..

-Ну, Витёк, ты даёшь!..

-Уже седьмой месяц пошёл – вставать пытается, скоро бегать будет.

-Дак... - начал было в уме загибать пальцы Вовка...

-Да-да... во время свадьбы мы с Людой уже на седьмом месяце были...

-Надо же... и совсем не заметно было...

Снова потянулась учёба, снова экзамены. Рыбачить Витька после училища улетел в Находку.

Надя

Между токарной практикой на «Красном Доне», виноградом, арбузами и дынями, почти каждый вечер, если не выпадали вахты, увольнения. За три ростовских года Вовка, пожалуй, впервые был так серьёзно увлечён той самой девушкой Надей из библиотечного техникума. Они самозабвенно гуляли а парках и скверах, заглядывали в киношки, но любимым местом оставалась всё-таки приветливая набережная, где всегда можно было встретить своих друзей-однокурсников, что-то с ними сообразить и весёлой компанией завалить в какое-нибудь такое же уютное, как сама набережная, кафе.

-Володя, у меня в Батайске брат живёт, мне сегодня надо к нему съездить... хочешь, поедem вместе. Мой брат тоже моряк, и вам будет, о чём поговорить, - как-то нерешительно высказалась Надя.

До сих пор Надя не признавалась, что у неё совсем рядом живёт брат-моряк и Вовке стало интересно, тем более, что сегодня воскресенье, а это значит длинное увольнение, и он решил сопроводить Надю до Батайска - Ростовского города-спутника, куда их почти мгновенно домчала пригородная электричка.

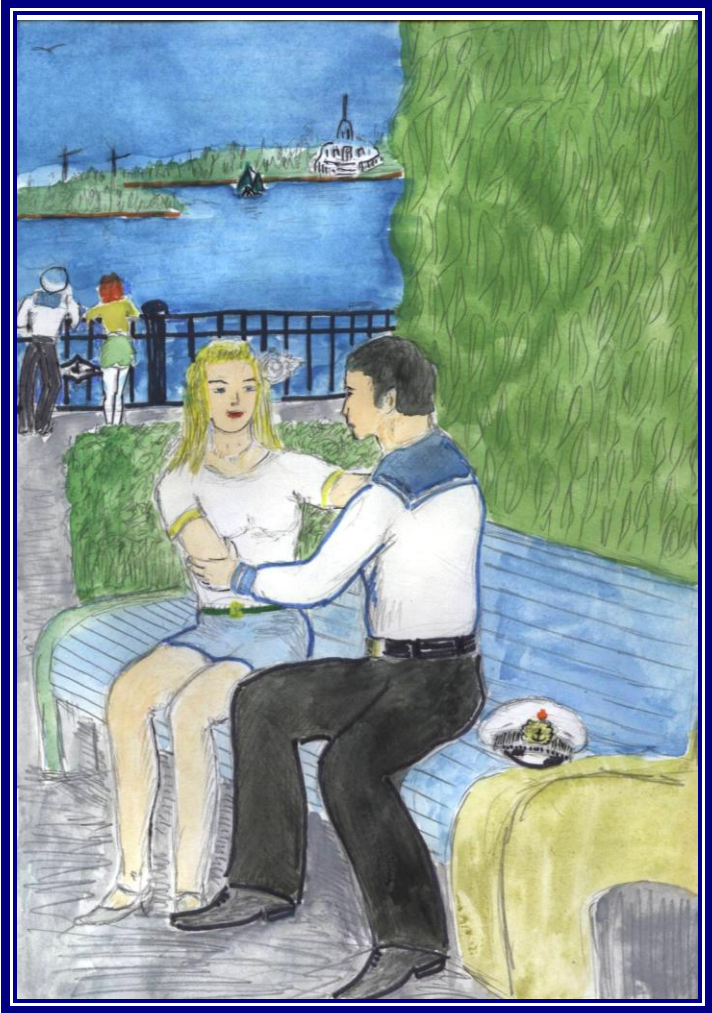
Ещё в первый вечер Надя сказала, что она ведёт свою родословную от самых настоящих северных поморов, которые испокон века жили по берегам Белого моря. Они и Архангельск построили, а потом стали надеждой и опорой Петру на Русском Севере. Надя и в самом деле светится настоящим северным сиянием. Несмотря на южное солнце, лицо у неё так и осталось по северному светлым и нежным. Большие, прямо-таки огромные голубые глаза с зеленоватыми искорками под изумруд широко открыты.

-Ой! Опять пыль в глаза! – восклицает Надя, чуть подует ветерок.

-Не мудрено.... Мимо таких глаз никакой ветер не промахнётся. Тебе надо большие очки носить... как у сварщика, - выдал замысловатый комплимент Вовка. Он всё больше и больше приглядывался к Наде.

-Ну что за чудо – эта Надя!..

Шагая рядом с Вовкой и заглядывая ему в лицо слева и чуть снизу, она безумолчно что-то говорила про свой Север, про свой техникум, но больше всего она говорила о писателях, поэтах, исторических и литературных героях. Вовка,

как мог, поддерживал разговор, снова и снова разглядывая свою спутницу.

Лёгкие и стройные ноги, тонкие руки с длинными, беспокойными ласковыми пальцами, светлые волосы ковылём струятся по узким, прямым плечам, открывая не по-девичьи высокий лоб.

«Вот где держится библиотечная энциклопедия... По правде говоря, за этим лбом ещё не один десяток томов может свободно разместиться...»

Они тихо шли по тенистой улочке города Батайска. Скорее, это даже не город, а большая казачья станица. И нисколько не верится, что совсем рядом, на другом берегу Дона, шумит огромный Ростов.

Улицы Батайска со всех сторон и даже сверху густо закрыты ветками стародавних лип, каштанов, тополей. Не всякий дождь пробьётся сквозь плотно обнявшиеся кроны.

Брат Нади обитал в крепком кирпичном доме, из которых, в основном, и состоит Батайск.

- Ну, проходите, проходите... мы вас давно ждём.

Вовка понял, что его появление здесь не случайно. Значит, Надя заранее предупредила своих, что придёт не одна. Оно и тем лучше...

Хозяин дома оказался много старше своей сестры и братом только двоюродным, но это никак не влияло на проявление самых тёплых родственных чувств. Алексей – так звали брата – и впрямь водоплавающий. Он капитан среднего черноморского сейнера, ловит рыбу совсем по соседству – в Азовском море и по выходным почти всегда дома.

«Какая интересная рыбалка. Прямо, что называется, с порога на пароход и обратно, - призадумался Вовка. – А другие – тоже рыбаки – по полгода и больше в морях и совсем без берега...»

Праздничный ужин в честь хозяина – юбиляра был организован во дворе, со всех сторон и сверху обвитом плотной виноградной лозой. Гостей было немного, что придавало нешумному застолью семейный характер.

За столом Надя изо всех сил ухаживала за Вовкой, но гость никогда гурманом не был - при необходимости мог вполне обойтись плавленым сырком и горбушкой, поэтому его не очень занимали батайские и азовские деликатесы, под которыми вдоль и поперёк ломился стол.

...Кроме всего прочего у Вовки был один очень странный комплекс. Он не мог запросто и беззаветно есть в компа-

нии новых для него людей, если это, конечно, не в столовой. И самого Вовку чуть тошнило, особенно от киношных кадров с героями, якобы, до смерти голодными, нападающими на жратву, будто в последний раз в жизни.

Этот комплекс особенно сильно проявлялся у Вовки на железной дороге, в пути до дома в летние отпуска. В Ростове до вагона его почти всегда провожал Сашка Назыров, распивали с ним на посошок бутылочку «Донского» натошак и Вовка уезжал с билетом до Бугульмы в кармане да пачкой сигарет, хотя курякой в своей жизни так и не стал.

В общем вагоне летом всегда битком, но Вовка никогда не стремился занять место «лучше и глубже», а просто ставил свой потёртый чемоданчик, где было поменьше народа, сверху бросал мичманку (никто не позарится), и шёл в тамбур на длинный перекур. Когда вагон успокаивался и пассажиры обустроивались, кто как мог, Вовка возвращался к своему чемоданчику, где его соседи уже всюю уничтожали всевозможные припасы.

-Эй, морячок!.. Присаживайся с нами...

-Спасибо... я перед посадкой крепко утрамбовался...

-Ну, как хочешь...

Вовка махом взлетал на самую верхнюю багажную полку и заваливался там без всяких постельных причиндал. Внизу тоже укладывались.

С подъёмом его снова приглашали, но он беззаботно отвечал, что собирается в ресторан, и опять долго перекуривал по разным тамбурам.

Так проходили первые сутки, а там толкотня на Казанском вокзале, с чем ему всегда «везло» – меньше суток «гостевать» в Москве ему как-то не выпадало. Потом снова полные сутки в вагоне и вот он – Зеленогорск и родной дом с мамкиным столом!..

-Володя... ну что ты всё молчишь?.. Ты в каких облаках витаешь?..

-Да вот, думаю... – очнулся Вовка в Батайске. - Скоро на практику – придётся нам всем надолго расставаться...

Но постепенно за нешумным столом и во дворе появилась и осталась весёлая непринужденность. Алексей всецело завладел Вовкой, а тот сам закидал его самыми разными вопросами из морской жизни.

-Хватит вам! – нетерпеливо распорядилась Надя. – Володя, у тебя скоро увольнение кончается, а мне ещё по Батайску погулять хочется...

Долго прощались с гостеприимными хозяевами, приняли, как водится, на посошок. Тихо шли по стемневшим улицам, наполненным ароматом от палисадниковых цветов, которыми чуть не круговую обрамлены ряды аккуратненьких, чистеньких домиков.

-Володя, а у тебя были раньше девушки?.. Нет, я не говорю про тех, которые «сегодня – здравствуй, а завтра – прощай...». Ты кого-нибудь любил по-настоящему?..

-Ну, и вопросыки у тебя, - слегка опешил Вовка.

На такой острый вопрос он постарался ответить односложно, но сразу понял, что его отповедь пришлась Наде не по душе.

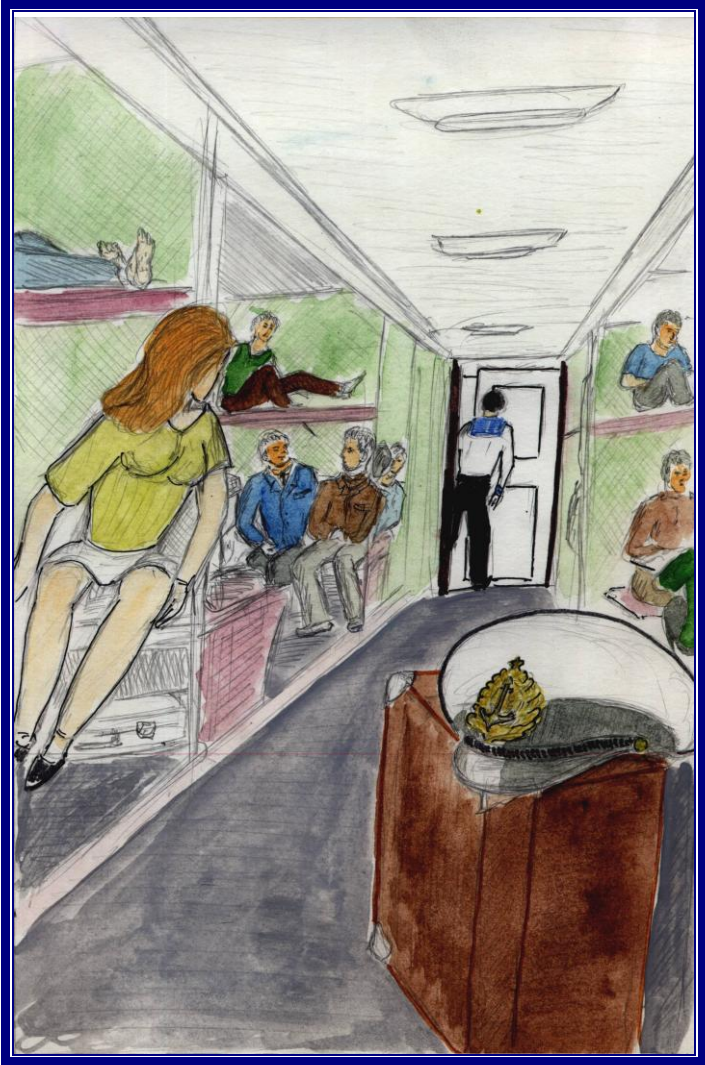
И в самом деле... можно ли назвать любовью его частичную потерю памяти и здравого смысла, когда рядом была Танька Курочкина - боевая соратница по команде на улице Овражной ещё задолго до мореходки?.. Наверное, нет... или Лариска из школьного класса?.. Тоже, конечно, нет...

Света... зеленогорская Света. Он старательно пытался направить свои раздумья о любви в обход той далёкой теперь девчонки, чьи глаза и весёлый смех колокольчиком снились ему ещё долго и долго после разрыва их, в общем-то, совсем несложных отношений. Что между ними было?.. Лыжные прогулки, легкие поцелуи, а потом переписка; новые встречи, снова переписка (ну, прямо почтовый роман – пришло на память Вовке), И, наконец, Шуркино известие тяжёлой кувалдой в под-дых...

А Шурка написал, что Светка уже давно гуляет с каким-то своим одноклассником, и что просила его написать в Ростов об этом сама Светка, а то бы он никогда не написал...

Что ещё можно вспомнить?.. Да ничего.... В курсантских увольнениях Вовка легко знакомился со многими девчонками. Он располагал ровным профилем и фасом, прямым высоким лбом.... Никаких лишних загогулин или курносостей, тёмно-русые, почти чёрные волосы тоже без намёка на кудрявость от Иванушки-дурачка. Тёмные же, немного строгие глаза.... Да и ростом он уже давно догнал своих сверстников. Так что ему не нужно было особенно напрягаться, чтобы привлечь к себе внимание. Кроме того, он мог непонятно выражаться и сколько угодно долго пудрить мозги своим подружкам про всякие умные вещи, особенно из истории, а потом ещё про звёзды и галактики.... И вообще «за жизнь»...

Дневальный на этаже возле телефона, бывало, только и кричал между кубриками:

-Панин!.. К телефону!..

Звонили девчонки, с которыми он иногда встречался даже теперь, звонили и те, которым он уже давно сказал последнее прости...

Но, легко знакомясь на набережной и в парках, он легко и расставался. Сначала из-за того, что в Зеленогорске его ждала ненаглядная красулька Света, а после Шуркиного письма из-за того, что в его глазах и где-то в самом потаённом месте надолго остался образ весёлой лыжницы из первых курсантских отпусков.

Только будущая библиотекарь северянка Надя смогла постепенно вытеснить из каких-то никому не ведомых душевных глубин его первую зеленогорскую любовь. Да... тут уж не отвертеться – это действительно была любовь.

Но разве мог Вовка про всё это рассказать Наде, да и не получился бы рассказ. Наверняка, вышло бы что-нибудь не так. А Надя и сама, видно, поняла Вовкино тихое состояние, она снова обрела прежнее, беззаботное настроение и заговорила о чём-то не о том...

Но теперь уже прорвало Вовку:

-Я же не спрашиваю, были ли у тебя увлечения... ведь тебе тоже не пятнадцать...

-Нет! – сразу твёрдо ответила северянка Надя. – Может, мне издалека и нравился какой-нибудь парень, но я сразу чувствовала, что никогда его не полюблю...

-Это почему же?.. Потому что не такой нос и немножко лопух?..

-Нет... у меня интуиция.

-И что же твоя, наденушь, безошибочная интуиция обо мне сейчас нашёптывает?..

Надя вдруг остановилась и решительно, но совсем немело поцеловала Вовку в губы, да так быстро, что он не успел ответить.

-Вот что подсказывает моя интуиция...

Так и состоялось объяснение.... из увольнения Вовка в этот вечер всё-таки опоздал, за что получил один наряд вне очереди...

Море Чёрное...

Эх, дорога...

Третьего курса и особенно его окончания ждали все. Третьекурсник – это уже матёрый курсантище, прошедший и карантин, и строевые, и марш-броски по десять и пятнадцать километров, и, порой, занудливую учёбу в тихо гудящих аудиториях по восемь, а, если учесть ежедневную самоподготовку, то и все одиннадцать-двенадцать часов в сутки. Даже красное воскресенье до обеда (первые два курса) было обязательно забито строевыми занятиями с грохотом по окаменевшему асфальту и криками старшин «справа налево и шагом марш...»

Второй семестр третьего курса кончается вместе с наступлением ранней ростовской весны. Тогда же сданы положенные курсовые экзамены и, наконец, учебная практика!.. О том, что в конце третьего курса грядет учебная, а за ней и рабочая практики, все курсанты знали ещё с первого курса.

Они жадно слушали старшекурсников, которые уже просолили свои тельняшки и гюйсы в водах всех океанов. Одно дело представлять себе море через кино и книги, совсем другое – видеть рядом с собой такого же курсанта всего-то на год-другой постарше, который так и сыпет живыми морскими байками.

Ну ладно... пусть не всё, но, по меньшей мере, половина - чистая правда, которая по остроте своей, порой, нисколько не уступает небылице.

По всем аудиториям судили-рядили: где и как рота будет проходить учебную практику?.. Но каких-то чётких представлений на этот счёт ни у кого не было. Всё прояснилось только за день до отъезда к месту практики. Жребий решил 127-ой группе механиков провести последние сборы и спуститься пешим порядком к набережной, где на днях ошвартовалось единственное учебное судно ростовской мореходки.

«Руслан» был переоборудован в учебное из трудяги среднего траулера, сверху весь был выкрашен в белый цвет, что придавало ему облик строгой парадности.

А 126-я и 128-я группы сразу на следующий день загрузились в вагон на Ростовском пригородном вокзале и отправились в порт Херсон на Днестре, где их ждали целых два таких же учебных судна, как «Руслан». Две группы отчаянных курсантов строевым числом ровно шестьдесят человек оккупировали вагон полностью. Конечно же, самый весёлый вагон был общего назначения, да ведь у будущих мореходов и без того всё общее.

Вовку провожала Надя. Она уже была на вокзале, когда курсанты, в сопровождении Николая Семёновича, шумно вывалили на перрон. У ног Нади стояла большая сумка.

-Куда это ты с такой большой сумкой?.. Может, с нами прокатишься?..

-Это тебе и твоим друзьям мой брат в дорогу передал. А сама я с утра ездила в Батайск и сейчас прямо оттуда.

Подошёл Мишка Романов со своей новой девчонкой, Сашка Назыров пока в одиночку (вот что значит быть всё время дома по выходным возле мамки с папкой), Дьяков и другие ребята. Что-то говорили, балагурили под стакан «Донского», но расставание и грусть всегда рядом, даже если впереди долгожданное море...

-До отхода поезда Ростов-Херсон остаётся пять минут... провожающих просим выйти из вагонов! – разнеслось по перрону.

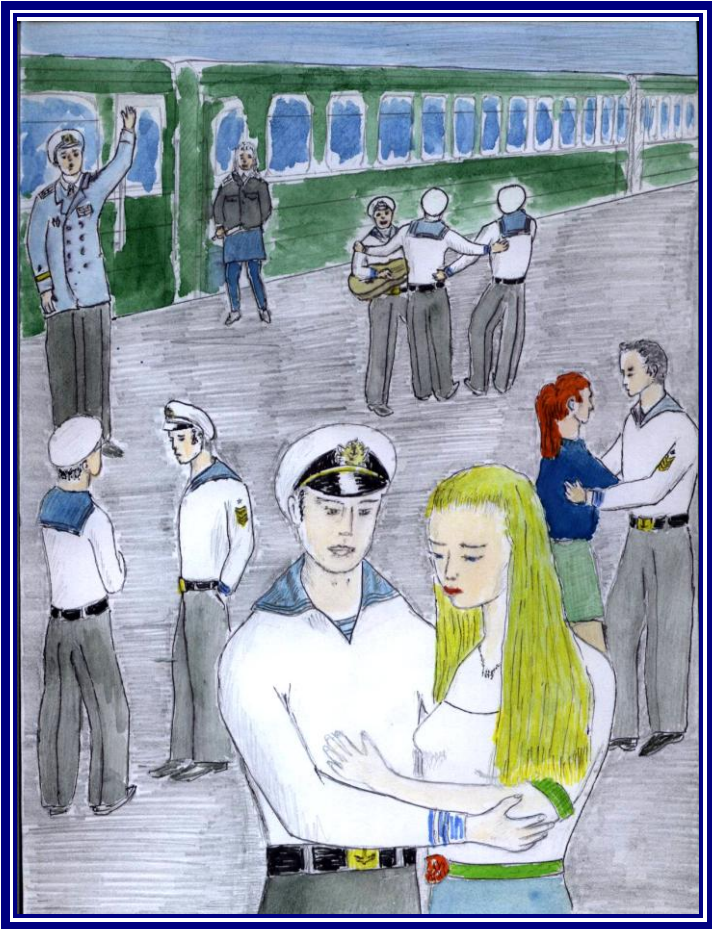
-Володя, ты пиши... обязательно пиши... у нас скоро тоже практика, но я ещё целый месяц буду в Ростове... самое надёжное – пиши на адрес брата в Батайск...

Вовка длинно и глубоко целовал Надю, она неумело отвечала, пытаясь что-то говорить и говорить. Вовка не слушал, он хотел нацеловаться на всю жизнь...

Поезд тронулся, Вовка догнал последний вагон. Он стоял в тамбуре и смотрел на стоящую Надю до тех пор, пока её маленькая фигурка не скрылась за каким-то привокзальным строением...

Но жизнь берёт своё, и очень скоро веселье загремело на весь вагон. Почти в каждом вагонном кубрике были гитары, а где гитара – там песня.

Твёрдых и жидких припасов из сумки Надиного брата хватило на весь первый вечер. Следующим днём и вечером потрошили сумки ростовчан, сухой паёк и пополняли запасы

на остановках, а поезд всюду шпарил по благодатному украинскому югу. Лихие старушки своим особым чутьём угадывали курсантский вагон, облепляли его ещё на ходу с обеих сторон, наперебой предлагая разноцветные бутылки домашнего «литр за рубль» и просто на разлив. И впрямь вино стоило небогатого курсантского рубля...

Не привыкшие оставаться без режима курсанты, весело потребляли свои усиленные по случаю дороги сухие пайки. Их вывалили для порядка на стол, которым в Вовкином кубрике заведовал Сашка Дьяков. Ему выпала эта маета по жребью. И вообще жребий в курсантской жизни играет большую роль: любая маломальская проблема в большинстве случаев решается его величеством жребием. А вне режимному питанию очень сильно способствовали те самые лихие старушки на остановках со своими сумками, кошелёками, банками, склянками...

На какой-то остановке Вовка обратил внимание на хитроумного рационализатора. Мужичок «с ноготок» стоял возле низкого заборчика, на котором висела издали видная табличка. На табличке значилось: «один рупь». На вопрос покупателя он чуть заметно доставал из кармана кусочек шланга с краником и наливал искрящийся сок жизни в подставленную тару.

Ребята потом долго думали:

«Где же этот рационализатор умудрился спрятать свою главную ёмкость?..»

Версий было много, но ни одна из них так и не стала всеобщей.

За окном, совсем рядом и вдали, остаются настоящие, словно из самой гоголевской Диканьки беленькие украинские хатки с камышом на крышах. Но самыми интересными стали терриконы. Высоченные чёрные конусы, казалось, вот-вот поглотят в себя серые шахтёрские домишки, но кто-то вовремя убирал вагонетки с больших терриконов и вот уже рядом нарождается новый террикон. Он точно копирует своего рядом стоящего родственника, разрастаясь и захватывая под себя всё больше и больше пространства...

-А красивы всё-таки наши терриконы... ну прямо, как японские фудзиямы! – восхищается Валька Трунов, сам выросший возле этих рукотворных чёрных гор.

-Поэтому-то в ваших посёлках ни одного чистого дома не просматривается, - заспорил Вовка. - Мало, что под

землёй здесь всякие газы и пыль, так ещё и с терриконов выдувает...

-А у вас на твоей Волге нефть.... Сам же говорил, что факела кругом годами небо коптят, - встрял Сашка Дьяков. – Вот у нас в Анапе ни угля, ни нефти - только море и сплошные курорты с пальмами...

Вовка с Валькой замолчали, отвернувшись в окно – крыть им было нечем.

Херсон

Ровно через сутки после отбытия из Ростова рота мореходов была в Херсоне. Николай Семёнович сразу с кем-то созвонился прямо с вокзального автомата, ещё через полтора часа большой автобус выгрузил курсантов на тихом, пока безвестном причале. Невдалеке от берега стояли на якорях два учебных судна.

-«Метеор» и «Георгий Седов» - едва разобрали ребята на обшарпанных бортах.

-Ничего, - успокоил приунывших, было, курсантов представитель Херсонской мореходки. - Сами же отдраите, покрасите, и всё будет в лучшем виде. Через недельку в Чёрное море: рейс будет до Сочи с заходом и стоянкой в Севастополе, Ялте, Новороссийске и других портах... обратно тем же порядком.

-Ур-ра!!! – полетели высоко в воздух мичманки и бескозырки...

Даже в самых смелых фантазиях ребята не могли предположить такого поворота.

-Вот это да!.. Это же настоящий туристический круиз – только гораздо лучше!..

И в самом деле – надо бы лучше, да некуда. Тебе только восемнадцать, кругом друзья, а впереди море и сказочные порты!..

«Эх... сюда бы Шурку, Ваську, других ребят» - легко взгрустнул Вовка, но полная грусть так и не состоялась.

Возбуждённо и весело переправились на шлюпках по своим судам, которые тут же разыграли по жребью.

Вовкина 128-я группа оказалась на «Георгии Седове». В большом, центральном кубрике, переоборудованном из трюма, стояло десять двухъярусных коек, остальные расположились в десятиместном носовом кубрике.

-Пока устраивайтесь, отдыхайте с дороги.... Через два часа ужин, потом обзорная экскурсия по судну! - объявил

старший помощник – круглолицый крепыш лет тридцати в огромной мичманке.

Николай Семёнович скоро распрощался, оставив единственный наказ – во всём слушаться корабельного начальства. У него заранее был припасён авиабилет до Ростова, и курсанты остались без отца-командира. Власть полностью перешла в руки старшин и новых судовых командиров.

Утром подъём в семь часов, зарядка на палубе, другие утренние дела, а уж потом в руки скребки, кисти или просто мыльная тряпка с ведром и за дело – время не терпит!..

Почти каждый вечер курсанты на дежурных шлюпках выходили с рейда в увольнение. В Херсоне Вовка впервые увидел одну из центральных улиц, полностью отданную во власть пешеходов. Само собой, улица эта называлась «бродвеем» или просто «бродом». Но для всего прочего городского населения это была улица Суворова. Одного из самых любимых Вовкиных героев!

Ростовские почти всегда гуляли в парке, в центральный вход которого упиралась пешеходная улица. Там же крутились из аллеи в аллею множество девчонок и девушек постарше. Ведь в Херсоне огромный хлопчатобумажный комбинат – оттуда и из комбинатовского училища бродвей и парк расцветивались красавицами на любой вкус.

Совсем уже почти лето, а летом любая укромная лавочка и стол и дом. Конечно, никакой настоящей любви между этими набегам на брод и быть не могло, но из любого правила бывают исключения. Ведь Лёшка Педченко в недалёком будущем именно из Херсона выписал к себе на Камчатку девушку Люду.

Если в кубриках даже берегового экипажа на улице Обороны кругом морской порядок, то на судне от него и во все никуда не денешься. Вахта в кубрике, вахта на палубе, вахта в шлюпке, дежурство на камбузе, бачковые.... Бачковые – это дежурные курсанты, которые носят еду в больших кастрюлях или бачках от камбуза до столов в кубриках.

Подошла Вовкина очередь стоять вахту у трапа. В шлюпке, которая курсировала от «Седова» до причала, «вахтил» Сашка Дьяков. Сегодня календарный выходной и весь пароход подался на берег. Из командиров на вахте остался старпом. Вовка притащил из кубрика стульчик и уселся возле фальшборта. Иногда он спускался в шлюпку к Сашке, где они болтали о том, о сём.

-Послезавтра отход... уже скоро...

-Да... к такому круизу денег хотя бы по сотне на брата, - возмечтал Сашка, развалившись на банке и разглядывая легкие вечерние облачка.

-Нахрена они тебе?.. Хавка на парохоме, одет, обут и даже помыт и подстрижен...

-Дурачѐк ты через букву «ѐ»... это же курорты мирового значения!..

-А ты что – даму с собачкой в Ялте хочешь выловить?..

-Да уж не помешало бы...

Начало темнеть, включили бортовые огни. Старпом упѐрся в список, висевший возле трапа.

-Что... ещё никто не вернулся?..

-Так увольнение же до одиннадцати – чего торопиться?.. Тем более, сегодня суббота...

Но вот первый свист с берега. Сашка взялся за вѐсла. Один за другим ребята поднимаются по верѐвочному штормтрапу на верхнюю палубу. Шлюпка курсирует всё чаще и чаще. Вовка отмечает прибывших. Около одиннадцати из своей каюты снова выбрался старпом.

-Кого ещё нет?..

-Все на месте...

-Передай старшине, чтобы зашѐл ко мне в каюту.

Но всех на месте не было... потерялся Эрик Гисматулин. С парохомы он ушѐл вместе с Лѐшкой, Сашкой Назыровым и Федькой Зюзиковым.

-Как обычно зашли на танцы-манцы, - быстро рассказывал Лѐшка Педченко в шлюпке у Сашки Дьякова. – Я со своей Людкой, а у неё подружка. Познакомил Эрика - вижу, у них дело на лад пошло - танцуют без остановки и только строго напару...

Ты давай меньше о танцах, - нетерпеливо дѐргает Лѐшку Сашка Дьяков. – Ты о деле...

-А время идѐт, гляжу – надо уже как-то проводить да спешить на парохом, - отмахнулся Лѐшка. – Я с Людкой на остановку, Эрик с Наташей на другую. Людка ещё сказала, что у Наташи родители где-то в другой стороне живут, вот она сегодня туда и надумала поехать...

-Где Эрика потерял?! – начал заводиться Сашка. - Заладил – Людка, Людка...

-Да что я, должен был его шкертиком* к себе привязать. Людка уехала, я ещё чуть подождал, думал, подскочит

---

* Шкертик – тонкая верѐвка (мор.)

Эрик... а тут и Сашка с Федькой. Так что мы здесь, а Эрик не знаем где...

-У Людки телефон есть? – начал оперативное следствие Дьяков.

-Откуда тут телефоны?.. Даже если бы был, то откуда здесь-то звонить?.. И что она может сказать?

-Где её подружка живёт, вернее её родители. Эрик наверняка башку потерял и с ней поехал... на край света...

Чуть помолчали...

-Ехать надо, - что-то сообразил Лёшка Педченко.

-Куда?.. Куда на ночь глядя?.. – закудахтали в шлюпке.

-На кудыкину... к Людке, а потом с ней и к Наташкиным родителям...

-На чём?.. Тащиться к той остановке? – никак не могли сориентироваться ребята. – Всю ночь проблудим и не найдём к тому же...

-Давайте в кучу кто сколько сможет – на такси поедем, - опять вперёд всех выдал Сашка Дьяков. – Возле ресторана всегда такси дежурят, а это совсем рядом...

Насобирали почти двадцать рублей, пришлось подключить кубрик, в котором некоторые уже дрыхали без задних ног.

-Кто поедет с Лёшкой?.. – пересчитал деньги Дьяков.

-Ты и поезжай, - предложил Вовка. - А я тут возле трапа за двоих вахтить буду...

Про такси Дьяков оказался прав. Не прошло и десяти минут, как они с Лёшкой уже набирали обороты в сторону ближнего посёлка, в котором жила Лёшкина зазноба. Хорошо, что в доме ещё не спали – только что перевалило через одиннадцать.

На лай дворового пса на крыльцо вышел мужик.

-Чего надо в такое время?..

Приглядевшись, узнал, что перед ним моряки.

-К Людке что ли?..

-Позови пожалуйста – дело срочное...

-Что случилось?! – выскочила Людка за калитку. – У нас все перепугались...

Лёшка постарался покороче объяснить.

-Ох и Наташка!.. Ну и шалава... что же она его за собой потянула. Вот я ей устрою...

-А ты уверена, что ничего другого?..

-Поехали... - первой прыгнула в машину Людка.

Оказалось и впрямь «другое». Симпатичная Наташа была в «фаворе» у местных парней в пригородном посёлке, из которого девчонка недавно переехала в фабричное общежитие. Работала она в одной бригаде с Лёшкиной Людой.

Как назло состоялась встреча с одним из давно отвергнутых кавалеров.

-Здравствуй, Наташа... у тебя новый женишок?..

-Здравствуй, здравствуй, пень глазастый, - отшила Наташа длиннорукого парнишку.

Эрик с Наташей ещё сидели у калитки, когда перед ними возникли трое. Шкет, оказывается, где-то нашёл своих друзей и таким образом решил выяснить отношения.

Состоялась короткая драка, Эрику досталось...

...Такси крутанулось у нужного адреса через полчаса после драки. Эрика удерживали в доме, перевязав ему буйную головушку и пальцы правой руки, которые Эрик раскровянил о чью-то шишковатую башку. Кроме того было основательно помято лицо.

-Вот вам и хохляцкий гостеприимный Херсон! – уже на улице высказался Сашка. – Это дело так оставлять нельзя.

-Вы смотрите сами не попадитесь, - напутствовала Наташа. – Они вон в том дворе всё время кучкуются...

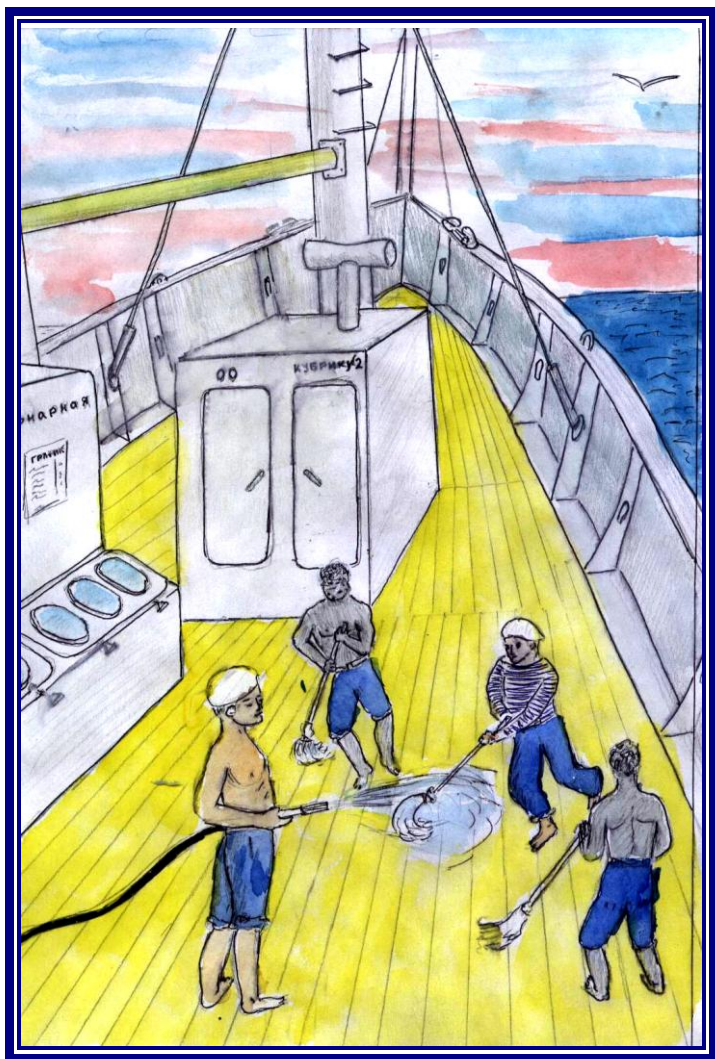
-А вот мы сейчас проверим этот двор, - разохотился Сашка. – Эрик, ты их узнаешь?

-Мне память не отшибли... и в темноте узнаю.

Таксист согласился подождать за отдельную плату. В глухом дворе двухэтажки действительно заседала троица, что-то тренькала гитара.

Жаль, что было темновато. Не рассмотрели ростовчане жуткого удивления на лицах дворовых друзей при виде гюйсов и белых фуражек. Здесь случилась ещё более короткая схватка, чем у калитки Наташиного дома. По мордасам бить не стали, отхлестали вдоль и поперёк всё теми же курсантскими ремнями с латунными бляхами...

...За два дня до отхода на обоих учебных судах появились самые настоящие... негры. Они были наряжены, кто во что горазд, а некоторые в такое же рабочее хэбэ, как и ростовские курсанты. Друзья - интернационалисты из далёкой революционной Ганы учились на судоводительском отделении Херсонской мореходки, и теперь им предстояла преддипломная практика

Всего на двух судах их было по пятнадцать человек. Народ, несмотря на тёмную кожу и одинаковые черты лица, был очень разным. От огромного и протяжного молчуна Оссари – старшины негритянской группы, до в два раза меньшего по габаритам и звонко смешливого Роберта Анна-на. И по цвету кожи от иссиня-чёрного Кробо до светлокофейного Опоку Генри.

Работали они по приборкам наравне с ростовскими, а в перекурах на четвереньках расплзались в тень от фальшборта и палубных надстроек. Зато бледнопузые европейцы, не успевшие к апрелю нахвататься Ростовского загара, падали враскоряку поджариваться прямо на открытой палубе под палящим солнцем.

Почти у каждого из новичков были магнитофоны, маленькие приёмнички с наушниками, о существовании которых ростовчане даже и не слыхивали пока. Музыка вытаскивали на палубу, иногда открывали уроки танцев. Опоку Генри и Роберт часами после дневных работ выламывались в шейке, а ростовчане перенимали немудрёную трясучку под захватывающий ритм... Особенно настойчив был Вовка Панин – ему сильно хотелось повысить свою квалификацию.

Целую неделю, совмещая приятное с полезным, курсанты драили свои пароходы изнутри и снаружи. Зато к приходу Морского Регистра они блестели свежей краской никак не хуже ростовского «Руслана». Регистр, не колеблясь, принял суда готовыми к плаванию, этими же днями были отработаны и расписания по судовым тревогам.

На воде трудно при любой тревоге, но самое трудное – заводить пластырь на условную пробойну и это досталось по судовому аварийному расписанию Вовке вместе с Сашкой Назыровым, Лёшкой Педченко, и Сашкой Дьяковым. Помогали им Опоку Генри и угольно-чёрный Кробо..

Пластырь – огромная заплата из толстеного и тяжёлого брезента. Его заводят к пробойне (хорошо, что пробойна пока условная), давление воды прижимает пластырь к наружному борту под ватерлинией, а уж потом начинается работа по заделке самой пробойны. Скоро комиссия от Регистра определила, что «борьба за живучесть» на учебных судах «Метеор» и «Георгий Седов» вполне на уровне и дала добро на выход из порта Херсон.

Вот и долгожданный день отхода. Почти всех курсантов, включая и африканцев, провожали юные херсонки. Вовка тоже немного постоял на причале с яркоглазой молдаванкой

Верой, с которой он познакомился едва ли не в первое увольнение на берег.

*Огни Херсона скрылись за кормою,
Мы идём в далёкие края,
Там вдвоём с девчонкой черноокой
Выпьем мы и вспомним про тебя.
Прости, подруженька, что я матрос,
Что совесть флотскую норд-ост унёс.
Вино и девушки везде нас ждут
А в море ярый шторм-наш лучший друг!
Мы, мариманы, весёлый народ-
Вся мореходка пляшет и поёт.
И в Ростове так много огней,
Здесь можно встретить знакомых и друзей.
Нас море воспитало, профессию нам дало,
Оно для нас – отец и мать.
Забывать ты можешь место,
Где целовал невесту,
А море ты не должен забывать!..*

Конечно, такие встречи и прощания стали обычным делом для сегодняшних курсантов на многие годы вперёд. Поэтому мало кто из них придавал таким случаям решающее значение, да и остающиеся на берегу, вряд ли по-чёрному переживали подобные разлуки.

Да что там разлука!.. Предстояла самая главная встреча в жизни – встреча с морем!.. Правда, многие курсанты уже не раз видели море и даже жили на его берегах, но вот так – полноправными членами судового экипажа все как один выходили впервые.

Севастополь, Ялта...

Днепровский лиман стал первой большой водой, который встретил уже полностью состоявшихся мореходов легким волнением вперемешку с ветерком в лицо.

Вечером бросили якоря в тихом, укромном заливчике необъятного лимана. Стоянка была вызвана необходимостью ещё раз перед выходом в открытое море проверить машинное и палубное хозяйство, навести глянец и лоск на без того блестящие суда.

Вечером старпом достал большую сеть и, отобрав пяток ребят покрепче, порулил с ними на спасательном боте ку-

да-то за излучину. Вернулись они часа через три, а ещё через час все наяривали уху из самой что ни на есть настоящей стерляди!..

Вышли из Днепра, только после обеда следующего дня, оставив за кормой Очаков, который зорко сторожил широкие ворота самой главной реки Украины.

Море, то самое Чёрное море, которое «самое синее в мире», встретило новичков совсем неласково. Оно словно задумало проверить их на прочность, поддавая по скулам судов то справа, то слева. Корма то опускалась, тяжело приседая ниже ватерлинии, то становилась дыбом, заставляя нос судна полностью зарываться в зелёные, шипящие на ветру волны.

Вовка чувствовал давление изнутри себя и вверх, но всеми силами старался подавить подспудное желание, стиснув зубы, дёргая горлом вверх и вниз. Вот уже свалился с зелёным цветом лица один курсант, за ним второй, третий... Вовка держался за планширь, широко разевая рот навстречу смеси ветра и брызг.

Рядом к фальшборту прижались Сашка Назыров, Дьяков, ещё несколько самых стойких. Когда волнение за бортом чуть поутихло, перебрались на бак, где на любом идущем судне качает даже в полный штиль.

Вот где настоящие качели!.. То вверх, то вниз, и сбоку на бок одновременно. Скорее не качели, а космическая центрифуга – разве что мёртвой петли ни разу не получилось... Оно и, Слава Богу!..

Надвигается живой глыбой очередная волна и «Седов», напрягаясь изо всех сил, карабкается на неё. У стоящих на баке подгибаются ноги, скоро уже колени будут выше головы, но судно летит стремительно вниз, теперь тело наоборот вытягивается, словно меха у разбитной русской гармошки, и смотришь – рядом ещё двое плеснули за борт сквозь стиснутые челюсти и губы... Вовка стоически держался.

Из рубки на ребят во всю веселились старпом и рулевой матрос:

-Ну, как?! – кричали они то и дело через палубу. – Поддаёт!..

-Ух, поддаёт!.. Ещё как поддаёт! – отвечали самые стойкие, держась друг за друга.

Судно почти тут же заваливалось на левый борт и одновременно на корму.... Сдаётся, что они – лихие штурмана, иногда нарочно валяли туда-сюда руль, умело подставляя

борта под высокую волну, чтобы ещё больше пощекотать возбуждённо-феерическое настроение своих подопечных.

-Эй!.. А как насчёт ужина?.. - снова крикнули из рубки, когда шторм заметно поутих.

Какой там ужин!.. Сейчас бы просто вытянуться на спокойной палубе и задать храповицкого часов десять-двенадцать, но...держать марку надо было до конца.

-Мишка! Ты у нас сегодня бачковой... тащи одни только котлеты и компот!..

В центральном кубрике лежали вповалку больше половины личного состава. От лежавших исходил бледно-зелёный свет, который терялся под палубными иллюминаторами, превращаясь в невидимую, но явно присутствующую ауру тихого страдания.

Но каждому своё.... А Мишка с Сашкой Дьяковым притащили бачки с котлетами и компотом. Способные через силу есть, принялись за это муторное дело, и тут долго державшийся молодцом Витька Колчанов, едва надкусив котлету, стремительно кинулся наверх. Через пяток минут он белой молью спустился, молча лёг на свою койку, продолжая незаметно икать.

Трап в кубрике не пустовал. По нему призрачно-молчаливыми бестелесными тенями с балясины на балясину передвигались страждущие. Вовка, сильно гордый за свою неизвестно откуда взявшуюся выдержку, улёгся на кровать после пары котлет и банки компота. И... тут же снова подскочил, резко схватившись за верхнюю койку. Лежать-то оказывается хуже всего!.. Когда брюхо и ноги переворачиваются выше головы, то тут срабатывает закон сообщающихся сосудов, и тогда уж вряд ли помогут стиснутые зубы и пресловутая выдержка или сила воли... Лежать в койке можно только на совсем пустой живот, что и получилось у всех, давно находящихся в горизонтальной позе.

Вовка снова поспешил на палубу, где от борта к борту и на бак, слонялись унылые и приуставшие курсанты.

Но всё кончается. Кончился и шторм вместе с вечерней зарёй, скоро совсем стемнело, и пароход тяжело заснул, кроме, конечно, вахтенных...

С утра море долго извинялось за вчерашнее. Оно откровенно подлизывалось, нежно лаская вчера гудевшие борта своей шёлковой, бирюзовой волной. Море взяло к себе в помощники и небо, которое висело сверху голубым шатром

восточного балдахина, окружив два учебных судна своей ненавязчивой, почти материнской заботой и вниманием. Посчитав, что этого недостаточно, море выдало ещё один козырь – появились дельфины!..

Окончательно пришедшие в себя вчерашние горемыки бросились по трапам опретью из своих кубриков, винтом крутились вдоль бортов, под которыми стремительно неслись дельфины – и в самом деле живые торпеды. Особенно красиво дельфины шли впереди судна: держась своим хвостом в считанных сантиметрах от форштевня, дельфин пронизывал толщу воды, будто был одно целое с судном, а значит, и с курсантами... Взаимосвязь с дельфинами и морем была налажена прочно!..

Дельфины весело и без усталости сопровождали ростовчан до самого Севастополя, до бухты Камышовой, где оба судна бросили якоря на знаменитом севастопольском рейде.

Вот он каменно-стальной город-крепость, строго встающий за бронзовыми крыльями Памятника погибшим кораблям. Перед курсантами разворачивалась живая героическая история русского флота вместе с Корниловым, Истоминым, Нахимовым и матросом Кошкой.... А рядом могучий современный Черноморский флот.

Курсанты наперебой замучили старпома:

-Когда же увольнение?.. Когда в город?..

Увольнение состоялось в шестнадцать часов. На берег, а это прямо к Памятнику погибшим кораблям с его парящим орлом на вершине, переправились на шлюпках за несколько рейсов.

На первый глаз Севастополь показался сверхвоенным городом. Каждый второй прохожий и навстречу и вдогон был отмечен голубым гюйсом или золотыми погонами. Девчонок, по крайней мере, без провожатых, почти не было. От Памятника погибшим кораблям Вовка с друзьями дошли до собора, где похоронены четыре знаменитых адмирала во главе с Лазаревым. Ребята искали следы былых сражений, но стены домов, как и дорожный асфальт кругом были безупречно чистыми и ровными. Дошли и до Нахимовских бастионов, но там тоже всё было по музейному чисто и прибрано.

Зато панорама обороны Севастополя прошлого века произвела на друзей сильное впечатление. Картина была настолько достоверна, что хотелось даже пройти через линию ограждения, чтобы тут же оказаться среди героических защитников. А чуть дальше можно было подойти и к самому

Нахимову, который, правда, в этот момент был уже смертельно ранен...

В Севастополе простояли двое суток. На следующий день была автобусная прогулка с экскурсоводом. Кроме вчерашних мест, курсанты увидели ещё много исторического и, прежде всего, Малахов курган – это уже из истории последней войны. Доехали и до Херсонеса – ровесника древних Афин и Рима.

-Надо же.... Сколько веков прошло, сколько поколений сменилось, а теперь и мы тут ходим по тем же самым плитам...

-А ещё через тысячу лет здесь другие будут ходить, а мы где будем?..

Но такой вопрос юного философа продолжения не получил – разве можно думать о смысле жизни в восемнадцать лет, даже если вокруг тебя тысячелетние развалины.

Во время короткого перехода от Севастополя до Ялты, Вовка вместе с Назыровым и Педченко стояли стажёрскую ходовую вахту в машинном отделении. Механик водил их по машине, рассказывал о характеристиках главного и вспомогательного оборудования и ещё много всякого полезного для будущего судомеханика. Все практиканты имели отчёты-журналы, куда заносили всё, что могло пригодиться на четвёртом курсе, да и за саму практику тоже предстояло отчитываться. Так что круиз - круизом...

Как и в Севастополь, в Ялту «эскадра» прибыла утром. Здесь оба судна лихо пришвартовались к причалу, который вытянулся далеко в море перпендикулярно набережной. Ялта-родная сестра Севастополя. Если Севастополь – мужественный и строгий старший брат, то Ялта развесёлая и гулящая младшая сестрёнка. (Хотя исторически Ялта много старше Севастополя).

Небольшая, уютная набережная по началу лета ещё не так плотно забита праздным народом. Но почти летняя погода вытаскивает из многочисленных и всевозможных заведений южного отдыха всех, особенно ближе к вечеру.

Со всех сторон музыка нараспашку. Она крутится не только на берегу, но и в море с бортов двух учебных судов и стоящих невдалеке пассажирских теплоходов.

До чего же красивы южные вечера, да ещё в обнимку с морем. Музыка всё громче, вокруг разноцветные фонари, выплеснувшие свой свет чуть ли не во все вечерние закоулки, но

всегда можно найти совсем рядом удобную, затемнённую аллею с уютными скамеечками.

Ялтинская набережная плавно переходит в приморский парк, в котором есть всё, в том числе и танцевальная площадка с эстрадой. Здесь же навечно «пришвартовался» пиратский парусник-кафе. Но такое кафе курсантам не по карману, и они вполне обходятся простенькой бутылочкой из соседнего гастронома, а то и вовсе всухую – свежо ещё в памяти палубное всеобщее собрание.

Весёлого настроения и впрямь хватает и без дополнительных средств. Всё вокруг насквозь пронизано невидимой, тихо шепчущей, но далеко слышной, несмотря на музыку (а может и благодаря ей), грешной страстью. Она проникает в самые затаённые уголки сознания, до предела будоража здоровую молодость...

Вовка вышел в увольнение вместе с Эриком Гисматулиным, и уже на набережной к ним подошли Роберт с Опоку Генри. В Севастополе африканцев на берег не выпускали – военная тайна всё-таки. Будущие штурманы из Ганы на берегу ходили только по гражданке, да и не положено им носить полную российскую морскую форму.

-Что, ребята, скушаете? – перегнулись подошедшие через парапет. - Приглашаем в кафе – немножко можно «ту дринк»...

За четыре года учёбы африканцы вполне нормально научились изъясняться на русском, так что никаких барьеров не существовало, и приглашение было принято. Ближайшим заведением оказался ресторан «Южный», где в этот час было ещё мало народа. Ребята выбрали столик поближе к эстраде, на которой уже выламывались две гитары с клавишником и ударником. Завидев иностранцев, к столику мотыльком подлетела официантка.

После всеобщего согласования заправлять за столом взялся Вовка, он и обсудил с официанткой простенький заказ. Нельзя было не выпить за дружбу, за интернационал, за морские дороги...

-Генри, и ты, Роберт, есть такой вопрос: вот получите вы через пару месяцев штурманские дипломы, а дальше что?..

-Как что?.. У нас тоже есть рыболовство, - сразу ответил Генри. – Я уже давно всё придумал – куплю себе большой траулер и буду на нём капитаном, а Роберт будет моим старшим помощником...

-Эт-то ты такой богатый?!.. – выкатил глаза Вовка.

-Ну... - потупился Генри, - не то чтобы я...

-У него отец э-э... как бы это сказать по вашему?.. Его отец – большой князь... Он и послал нас сюда учиться, - поспешил на помощь другу Роберт. – Только я теперь у него старпомом быть никак не могу...

-Почему так?

-У нас там снова революция, а он за социализм и был большим активистом Народной партии – по вашему коммунистом, - пояснил теперь уже Генри. – Я его уговариваю - говорю, что мой отец заступится, но он всё-таки не уверен...

-Если я вернусь после учёбы в Гану, то меня там повесят, - улыбнулся Роберт.

-Не повесят!.. Мой отец хорошо знает нового президента!..

Друзья ганцы перешли на свой язык, перемешав его с английским и русским. Некоторое время яростно спорили и жестикулировали...

Ошарашенные ростовчане смотрели на спорящих и подавленно молчали. Вот тебе и на... ребята как ребята, а что с ними и вокруг них творится...

-Значит, Роберт, ты у нас останешься? - продолжали допытываться ростовчане, когда, видимо, давнишний спор немного приутих. – Здесь-то тебе дело найдётся.

-Нет... в СССР я не останусь, хоть и не раз уже предлагали... Я поеду в Париж – там буду работать в международной молодёжной организации...

-А зачем тебе тогда диплом штурмана?..

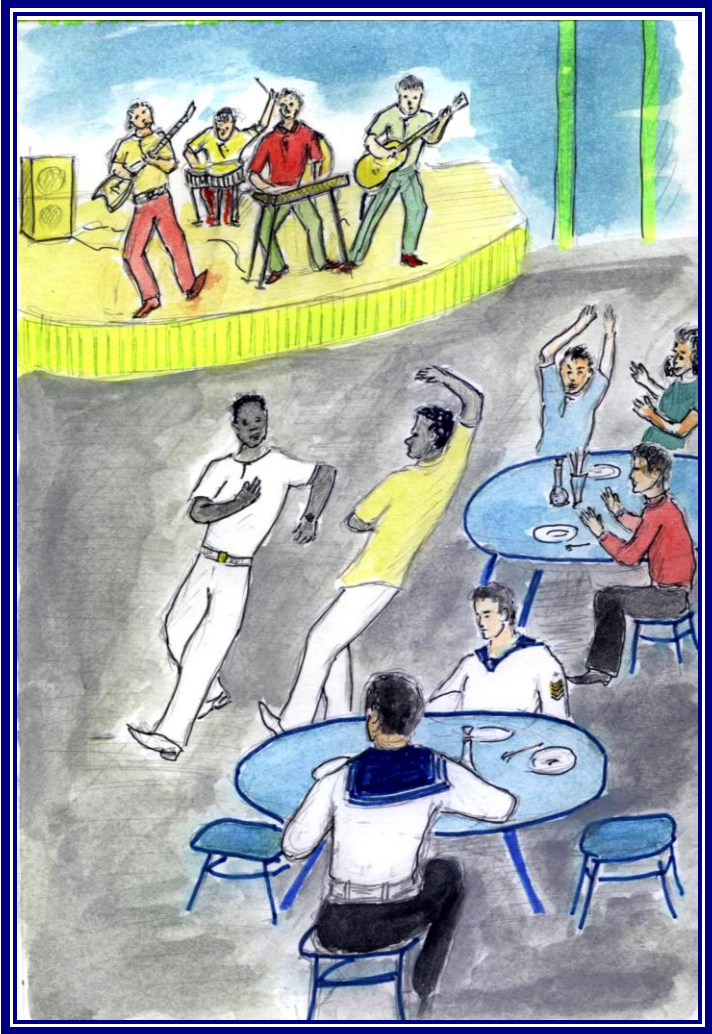
-Штурман – это раз, русский язык – два.... Наш старшина Оссари Оксфордский университет закончил, а теперь мореходку... Он тоже коммунист и мы вместе едем в Париж.... А капитанами и штурманами мы будем работать, когда победим в своей стране! – горячо и с пафосом договорил Роберт.

-Если вы победите, то тогда мне придётся убежать, - опять затеял спор Генри.

«Не такие уж вы коммунисты, раз у нас не хотите оставаться» – подумал Вовка, но про себя решил, что а Париже ганцам будет, всё же, лучше...

Квартет на сцене молотил во всю. Несколько пар танцевали фокстрот, танго или твист.

-Скажи музыкантам, чтобы Битлз в темпе сыграли! – задорно хлопнул Эрика по плечу Роберт. – Мы будем танцевать шейк...

Эрик подошёл к эстраде с музыкантами – те сразу поняли.

Ну, кто мог видеть тогда шейк?.. Да ещё африканский?..

Танцующих тут же окружили все присутствующие. Раздались сначала редкие хлопки, но очень быстро всё перешло в бурную овацию в темп музыке и танцу. Музыканты старались упорно, африканцы от них не отставали, убажывая настойчивые просьбы зрителей. Но всё же по струнам бить гораздо легче, чем дёргать ногами, и Генри с Робертом умялись раньше оркестра. Их просили ещё и ещё, но будущие морские штурманы из Африки только устало и благодарно кивали из-за своего столика.

Постепенно страсти в зале приутихли, и ребята по-английски тихо смылись на набережную, оставив на столике истраченные рубрики. А потом были песни под гитару, танцы в парке, знакомства и... отбой на судне строго по режиму. Из Ялты Вовка отправил первое письмо Наде...

Новороссийск!..

В Ялте простояли целых трое суток, и снова переход, снова приборка согласно расписания, практические занятия и отчёты. Иначе говоря, будничная морская рутина.

Следующим портом назначения стал Новороссийск. Южные города очень похожи друг на друга. Похожи своей декоративной, давно ручной парковой зеленью, множеством самых разных цветов на газонах, клумбах, просто на стенах домов и оградах.

В Новороссийске «Георгий Седов» и «Метеор» встали на якорном рейде, и снова на траверзе широкой набережной. Спущена на воду шлюпка, в ней вахтенный с бело-красной повязкой на рукаве. Такой же вахтенный торчит возле верёвочного штормтрапа.

По графику в этом порту учебные суда должны стоять трое суток – как и в Ялте, но из-за громкого ЧП график пришлось откорректировать в сторону уменьшения.

Всё произошло во время второго вечернего увольнения, незадолго до которого из Анапы вернулся Сашка Дьяков. Ему повезло отпроситься у капитана, и он целые сутки провёл дома, до которого из Новороссийска было всего-то не более часа езды на маршрутном автобусе. Да, такой хорошей возможностью нельзя было не воспользоваться, и радостный

до самой макушки Сашка сделал ручкой остальным курсантам.

-Ты там не заторчи возле маменьки!.. Не забывай, что не в отпуске после аппендицита...

-Без меня не уйдёте.... В крайнем случае, я вас на обратном пути в Ялте перехвачу...

Явился он на пароход через сутки тяжелогружёный. Из шлюпки в кубрик перекочевало целых три объёмистых сумки, в которых чего только не было....

Сашку встретили из суточного увольнения, как из месячного отпуска. Да и сам он будто бы не прокатился автобусом туда-сюда, а отсутствовал по меньшей мере целую неделю. Сашка спрашивал о новостях, ему что-то говорили.

В увольнение выгреблись, ополовинив все сумки. Но курсантское увольнение тем хорошо, что оно не поздно в любое время. Со вчерашней девушкой Таней Вовка на свидание опоздал, но на всякий случай пару раз прошвырнулся по набережной, а потом вновь присоединился к друзьям, которые лихо распевали на лавочке романтические морские песни под звонкую гитару.

Как случилась драка, Вовка не сообразил и потом. Только вдруг оказалось, что курсанты числом пять-шесть человек оказались в кольце штатских. Были сняты ремни, но местные догадались вырывать крупную гальку из рядом сложенного декоративного цветника с фонтаном и ростовчанам пришлось шибко худо.

А тут ещё «бродвея», который оказался совсем рядом с набережной, хлынула с кличем «Бей матросов!..» разновсякая гуляющая шпана.... Очень скоро Вовка получил свой камень в голову и отключился.... Очнулся он в полной тьме и тишине. Вовка не знал, где он находится и сколько времени.

Моря не оказалось ни спереди, ни сзади, ни с боков. На нём не было ни мичманки, ни ремня, ни часов, которые ему в последнем отпуске подарил старший брат. Зато на голове прощупывалась звенящая шишка с мазками крови по волосам...

-Куда податься?..

Несколько минут Вовка шёл по какой-то узкой улочке, которая и вовсе завела его в глубокий тупик. Наконец, Вовка додумался выбрать направление вверх, справедливо полагая, что сверху он увидит море, а уж там-то станет всё ясно. Море он увидел за спиной. Далеко внизу просматривалась

Цемесская бухта, а в ней множество судовых огоньков. Туда Вовка и устремился напролом...

В шлюпке торчал Боб, он же Городинский.

-Тебя только одного потеряли!.. Все уже давно на пароходе. Куда ты делся?..

-Сам не знаю... камнем по башке попало... только недавно очухался...

Вовка весь дрожал. Дрожал и снаружи и внутри.

-Дай, я за вёсла сяду, - надумал таким образом успокоиться Вовка, но после первых же гребков резкая боль в спине бросила его на дно шлюпки...

Второй раз он пришёл в себя в судовой санчасти. Доктор осмотрел и ощупал Вовку от макушки до самых пяток, влупил ему пару каких-то уколов, перевязал голову.

-Может, тебя всё-таки в больницу доставить?.. Вдруг внутри чего-нибудь сотворилось... похоже, и ногами по рёбрам тебе досталось...

-Не надо... всё нормально и нигде не болит. Я лучше в кубрик своим ходом...

Доктор внимательно проследил, как Вовка вышел на палубу, а там его перехватили Сашка Назыров и Сашка Дьяков. Остальным на палубу подниматься было запрещено, чтобы не создавать лишней толчеи.

-Ты давай сразу в койку и спи, доктор сказал, что тебе надо как следует поспать...

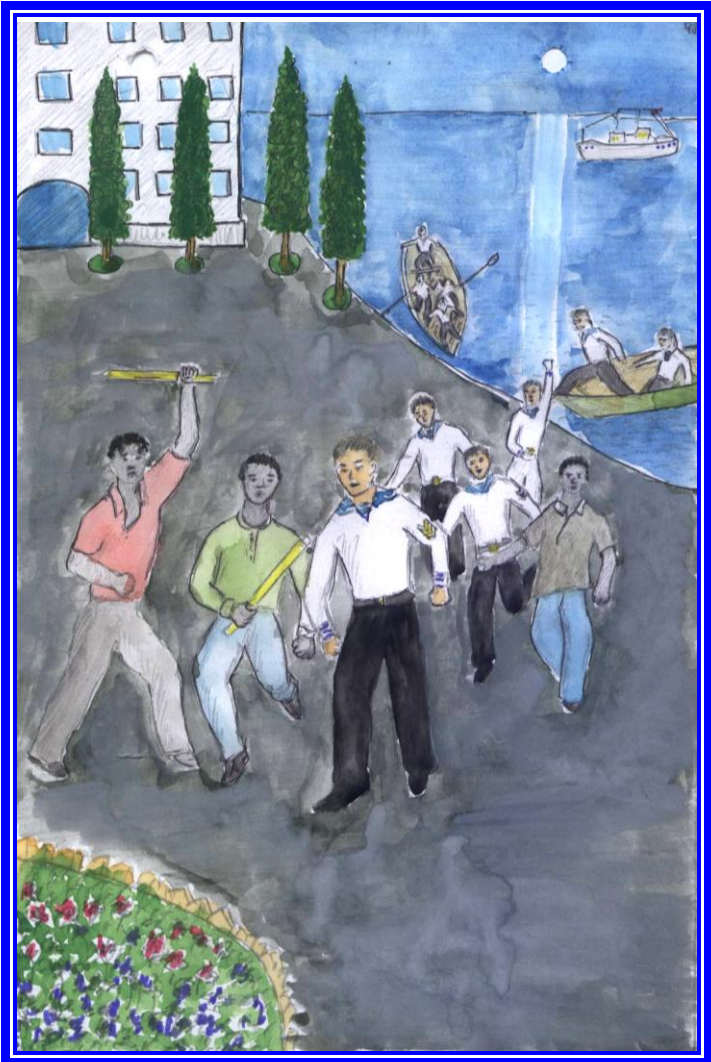
Глухой рык из машины сообщил, что «Георгий Седов» поднял якорь.

Утром Вовка чувствовал себя почти в норме. Он рассказал ребятам свою одиссею и узнал сам, что драка получила своё дальнейшее продолжение, но ненадолго. Эрик каким-то непостижимым образом сумел-таки прорваться сквозь плотное многорядное кольцо нападавших и поднять «настоящую судовую тревогу».

С двух судов на берег одновременно устремились две перегруженные шлюпки. Штатских всё равно было много больше, но они дико остолбенели, когда на них с булыжниками и штакетинами в руках накинута целая толпа самых настоящих негров.

-Наших бьют!!!... - вопили на разных языках африканские курсанты из Херсона...

В первых рядах решительно наступали Роберт Аннан, Онобо Кробо, явно используя свой большой опыт, полученный в уличных боях революционной Ганы. Но до конца этот

опыт ему применить так и не пришлось. Толпа гражданских быстро рассеялась. Возможно, штатская шпана побоялась развития межконтинентальных инцидентов.

Как бы там ни было, но безоговорочная победа с минимальными потерями, главной из которых стала временная пропажа без вести Вовки Панина, была за объединённым морским десантом в составе херсонских курсантов из африканской Ганы и ростовчан.

-Да... но памятной стелы или хотя бы доски в том месте на набережной мы наверняка и никогда не увидим, - вздохнул через силу Вовка.

После завтрака итоги виктории обсуждали всей ротой на палубе «Седова» в присутствии двух капитанов и других командиров. Сами суда, обнявшись швартовыми концами, тихо покачивались в дрейфе на сегодня спокойной черноморской волне.

-До чего штатские дошли!.. Они же с бесчувственного Панина часы сняли! И мичманка у него пропала! - возмущались курсанты, когда очередь выступить дошла до них. - Это же настоящее мародёрство!..

-Что бы вы ни говорили, а дыма без огня не бывает!.. Сами вы подали повод для драки своими песнями! - вёл собрание седовский старпом.

-Да что же это такое?.. И спеть нельзя... мы в Ростове на набережной часто такие концерты даём. И народ, наоборот, очень даже довольный...

Вовка тихо сидел в тенёчке под фальшбортом и только молил про себя, чтобы его не затронули, чтобы его оставили с миром, как наиболее пострадавшего за общее дело. Ведь как ни крепись, а каждое движение ему отдавалось жестокой болью во всех боках...

Но старпом за всё время своего выступления, а потом и в «прениях» только пару раз взглянул в его сторону. Между тем Сашка Дьяков вчера сказал, что он не уходил с палубы до тех пор, пока самолично не убедился, что Панин нашёлся. Он уже хотел, было, организовать поиски...

А сегодня Вовка в душе очень долго и сильно благодарил одного из первых своих наставников в практическом морском деле...

Собрание между тем продолжалось. Азартно жестикулируя, на русском и английском вперемешку, ганцы качали права куда напористее ростовских.

-Это позор, когда в мирное время хулиганы бьют человека в форме. Солдат или матрос, а тем более офицер – лицо неприкосновенное!..

Мнение африканцев из Ганы, конечно, во многих случаях может быть спорным, но большинство на палубе было явно солидарно с ним (а скорее всего – все).

-Ладно... давайте закругляться. Но впредь прошу до конца практики со своими шумными концертами напоказ завязать окончательно... песен не горланить и драк не затевать.... Если ещё что-то подобное случится, то заворачиваем в Ростов и высаживаем вас там на вашей набережной.... А потом что хотите, то и делайте: хотите - песняка, хотите – драку...

Капитан «Седова» напоследок добавил, что у них, стало быть, у начальства, тоже по одной голове, а именно ею они отвечают за полное благополучие и безопасность всех курсантов – и российских и африканских.

После на всю жизнь памятного, даже без стелы в честь легендарной битвы ростовских мореходов со штатскими, Новороссийска были Сочи, Сухуми....

В этих городах всюду распускалась весна. И не только весна, но и множество самых разных цветов и просто растений. Каждый курсант считал возможным принести на борт хотя бы один-два цветка. Таким образом в кубрике появились уголки Сочи, а потом и Сухуми...

На обратном пути заходили в Керчь с катакомбами, Феодосию и снова в Ялту.

В Феодосии, на радость Вовке, не обошлось без посещения музейных катакомб.

Легендарный Аджимушкой!..

Да!.. Эти катакомбы были не чета тем, что Вовка со своими зеленогорскими друзьями исследовал вдоль и поперёк в своём, не знающем покоя, детстве. Экскурсионное время было сильно ограничено, но и его хватило, чтобы ощутить грандиозность рукотворных подземных сооружений, история которых уходит вглубь тысячелетий.

В Херсон вернулись ровно через два месяца. К этому времени все курсанты составили подробные отчёты о своей практике, правда, все они были подозрительно похожи – страница в страницу. Да мало ли чем курсанты, особенно флотские, смахивают друг на друга!..